

Эльвира Барякина

Женщина с БОЛЬШОЙ БУКВЫ *Ж

гент мардж



Дневник
русского
литагента
в Голливуде

Эльвира Валерьевна Барякина
Женщина с большой буквы «Ж»
Серия «Агент Мардж», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168222

Женщина с большой буквы Ж: АСТ, Астрель, Олимп; М.; 2008

ISBN 978-5-17-049647-1, 978-5-7390-2100-7, 978-5-271-19266-1

Аннотация

Когда-то Мардж Тенш была простой советской девушкой: она работала в газете техником третьей категории и бегала на свидания с юным сторожем – непонятым гением и вольнодумцем. Но после эмиграции в США ее жизнь круто изменилась: Мардж открыла литературное агентство в Голливуде, завела глухого мопса Ронского-Понского и сменила нескольких неподходящих мужей.

Дела у нее шли прекрасно: клиенты считали Мардж ангелом и дарили ей на день рождения арфу. В отместку она дарила им мешок асфальта – делать взлетно-посадочную полосу для Музы.

Дневники агента Мардж – это череда уморительных баек о поисках любви: к себе, к жизни и к кому-нибудь неглупому и смешливому.

Содержание

Дневник	4
Судьба человека	6
Женщина американского кинорежиссера	8
Детство (мемуары)	10
Машина желаний	11
О доблестях, о подвигах, о славе	12
Прогресс нравственности	14
Мастер и Мардж	15
Никогда	16
Собачье сердце	17
Господин мой – время	18
Гадалка (мемуары)	19
Неидеальный муж	20
Один день Мардж Тенш	21
Generation Икс (мемуары)	23
Звезды – холодные игрушки	25
По ком звонит колокол?	26
Художник (мемуары)	27
Секс в большом городе	29
Чудеса	30
Грабеж (мемуары)	31
Имя Барбары	33
«Королева Мэри»	34
Универсальный солдат	35
Хорошо бы похудеть!	37
Смешные любви	38
Первая любовь (мемуары)	39
Неизменный пятак	41
Пионеры (мемуары)	42
Однодум	46
Легкое дыхание	47
Прошлое, которого не было	49
Железная дорога (мемуары)	50
Меня зовут женщина	52
Горе от ума (мемуары)	53
Собрание сочинений	55
Дима Первый (мемуары)	56
Мертвые души	58
Как закалялась сталь (мемуары)	59
Американская трагедия (мемуары)	61
Капитал (мемуары)	63
Двадцать лет спустя	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Эльвира Барякина

Женщина с большой буквы «Ж»

Счастье – это когда есть, кого любить, что делать и на что надеяться.

Китайская поговорка

Дневник

[7 мая 2005 г.]

Я уже пыталась заводить дневник. Во втором классе учительница велела нам следить за природой и отмечать наиболее интересные явления. Первая запись в моем дневнике гласила: «Бабушка боится мышей». Вторая: «Живая мышь – 1 руб. 30 коп. Дохлая – 2 руб.».

В честь поступления в университет мама подарила мне адресную книжку небывалой красоты: атласная бумага, кожаный переплет. Похабить ее телефонами ЖЭКа у меня рука не поднималась, и я начала записывать туда мысли.

На букву «А»: «А на меня Извольский смотрит!»

На букву «Б»: «Баранова – дура».

На букву «В»: «Верность – вот чем я его замучаю!»

Летопись обрывалась на странице с буквой «Ж». Понятно, что на ней было написано.

В течение последующих двадцати лет я писала все, что угодно, кроме дневника, – романы, уставы и заявления в ЗАГС. Вчера мой психоаналитик Арни сказал, что без дневника мне больше нельзя.

– Записывай все, что тебя волнует. Спроси себя, кто ты?

Кто я? Я человек необычной биографии и необычных страданий.

Меня зовут Мардж Тенш. Когда-то была Маргаритой Теньшовой, но со временем часть имени отвалилась.

Живу в Северном Голливуде, самом паршивом городе на свете.

У меня отвратительная работа: я литературный агент.

У меня дурацкое хобби: я пишу книги.

У меня толстая попа.

У меня нет мужа, детей и полезных привычек. Зато у меня есть место на кладбище.

Мы с Мелиской ездили туда на прошлой неделе. Посидели на могилах, поскорбели.

– Лучше всего хорониться в Италии, – сказала Мелисса. – Там что ни склеп, так дворец.

А у нас на кладбищах только коз пасти.

Она ворчала, потому что ей досталось место под забором.

– Зато у меня будет самая интересная табличка. Ко мне даже экскурсии будут водить! Знаешь, что я напишу?

– Что?

– «Омолаживающая могила доктора хиромантических наук мадам Мелиссы Тернер.

Исцеление от бородавок и женского недомогания».

А я решила, что у меня будет только имя и эпитафия по-русски:

Любви искала – так и не нашла,
И Нобелевку, жаль, не получила,

Зато сия изящная могила
К моей фигуре очень подошла.

Судьба человека

[8 мая 2005 г.]

Аквариум во всю стену, на столе – проволочный человечек в лодке. Мой психоаналитик Арни называет его «Пациент, гребущий к счастью».

Когда мы встретились в первый раз, Арни спросил:

– Почему вы здесь?

– Да вот – смысл жизни потеряла. У вас он нигде не завалился?

Арни похихикал и начал меня хвалить. Так я стала его постоянным клиентом.

У него приятный голос и горячие ладони. Темечко покрывает белая грива, и, когда Арни сидит у окна, вокруг его головы зажигается нимб.

Он умеет расспрашивать так, что ты чувствуешь себя звездой: твоя дурь – это благородное заболевание, твои тараканы в башке бесценны.

Половина голливудского бомонда лечится у Арни от плохого характера. Мне лестно находиться в такой компании. Придешь к нему на прием, опустишься в кресло: «А ведь на этом месте сидели самые известные задницы мира!»

Мы разгребаем мою биографию, как археологи – древние развалины. Особо тщательно Арни копается в детстве. Оно у меня уникальное, такого ни у одной голливудской звезды нет: папа-коммунист, мама-передовик. Сам Арни рос в пятидесятые, во время «охоты на ведьм», и для него это звучит как «папа-вампир, мама-оборотень». Я с удовольствием щекочу ему нервы – мне нравится удивлять человека, которого ничем не удивишь.

Иногда мы спорим. Арни пытается доказать мне, что смысла в жизни нет и быть не может. Ну как же не может, если раньше он всегда был?

Поначалу он заключался в маме. Помню, как я ждала ее с работы. Заберусь на подоконник, подожму колени к подбородку и смотрю на улицу. Вдруг сейчас в толпе мелькнет белая шапка?

Потом было много других смыслов. Постепенно мамино место заняла наша дворовая компания. Мы прыгали с крыш гаражей и лазили в подвалы с дурной репутацией. Наша стая казалась нам центром вселенной: ее признание было высшей наградой, ее порицание – катастрофой.

Казалось, планеты не должны сходить с орбит, но однажды я обнаружила, что вращаюсь уже вокруг другого «солнца». В моей душе поселилась Любовь, и там не оставалось места ни для кого, кроме ясноглазого Запаскина. В университете его заменил доцент Пьющенко. Ему на смену пришел муж № 1 – Димочка Кегельбан, который вывез меня в Америку. Объекты были не так уж и важны для меня, важно было хмельное чувство влюбленности и желание петь, летать и умереть одновременно.

Моя любовь сдохла, не выдержав конкуренции с реальностью. Деньги! Вот о чем я думала, шлепая мимо роскошных нью-йоркских витрин: «Люди, скиньтесь по доллару мне на богатство! От вас не убудет!» Но людям было жалко.

Деньги появились вместе с работой в престижном журнале. Я засиживалась в редакции до полуночи и вместо снов видела производственные совещания. Но потом меня уволили по собственному желанию президента.

На меня снизошло откровение: Господи! Да я тратила жизнь на то, что мне было не нужно! Я сто лет не была в театре! Мои платья выходили из моды до того, как я успевала их надеть!

Я вышла замуж за военного фотокорреспондента и переехала в Лос-Анджелес. Теперь мне хотелось самоуважения: я думала открыть свою фирму, ездила в Африку, развелась с мужем № 2 и завела мужа № 3 – миллионера и процветателя. Пенсия подходила ближе, и ничего не было сделано для бессмертия.

Бог хлопнул в ладоши, и мир опять перевернулся. Мне показалось, что я должна стать известным писателем. Хозяевами моей жизни стали мифические люди – читатели, которых я знать не знаю, но от которых зависело все: и моя самооценка, и настроение, и вера в успех. Я писала книги, публиковала их и каждый раз ждала СЛАВЫ. Но ничего не происходило.

Переосмысление произошло из-за Бориса Стругацкого. Я не помню, как это звучало дословно, но он сказал, что вне зависимости от качества книги всегда найдутся люди, которым она понравится, и люди, которые ничего не оценят. При этом подавляющему большинству будет совершенно наплевать на твое творчество.

Я опять слетела с орбиты...

Слушая мои признания, Арни сплетает пальцы на колене.

– Ты уже начала вести дневник?

– Да.

– Тогда пиши еще и мемуары. Так мы сможем обнаружить истоки проблемы.

Арни как-то говорил мне, что депрессии в основном проистекают от избытка свободного времени. Похоже, он решил лечить меня трудотерапией: если я все время буду писать – мне некогда будет обдумывать свое несчастье.

А все-таки без смысла жить нельзя... Вокруг какой бы звезды мне повращаться?

– Барбара! – зову я домработницу. – Отгадай загадку: что такое – большое, светлое, вдохновляет, ободряет, освещает путь и должно присутствовать в жизни каждого человека?

Барбара – волоокая мексиканская дива – выходит из кухни.

– Холодильник?

Женщина американского кинорежиссера

[24 мая 2005 г.]

Я безумно влюблена в Кевина – режиссера и сукина сына. Безумно не потому, что ночей из-за него не сплю, а потому, что он давно и безвозвратно женат.

Кевин хорош собой. В его годы иметь крепкие зубы и скромную лысину – это большое достижение.

Мы познакомились в застрявшем гостиничном лифте. Я поднималась в номер к знакомому писателю и несла ему в подарок бутылку мартеля. А Кевин хотел скрыться у себя от журналистов. Секса у нас не было. У нас было распитие спиртных напитков в общественном месте.

Мы сидели, прислонившись друг к другу, и Кевин рассказывал, как шевалье де ла Круа-Мароне избрал коньяк:

– Он был законченным алкоголиком. Один раз надрался до того, что ему привиделся Сатана. Дьявол захотел выпарить из него душу и кинул шевалье в чан с кипятком. Варил да приговаривал: «Так просто твою душеньку не вынешь! Тебя нужно два раза сварить!» Очухавшись, благородный мусье решил вынуть душу из вина. Перегнал его по дьявольскому рецепту два раза. Попробовал – вкусно. С тех пор коньяк так и делают.

После того случая в лифте мы с Кевином регулярно устраиваем интимные дегустации. Его жена, Сьюзан, ревнует до истерик и называет меня неудовлетворенной стервой. А я хихикаю: у меня секса не было лишь 15 месяцев, а у нее – шесть лет (насколько Кевин знает). Впрочем, тут дело не в сексе: Сьюзан обидно, что ее муж дружит со мной, а не с ней.

Совсем отказать мне от дома она не может: врага следует держать под присмотром. У них вообще все происходит под знаком «не могу»: не могу любить, не могу понять, не могу развестись, не могу видеть.

Сьюзан на всех фотографиях выглядит так, будто ее только что представили к награде. У нее тот тип лица, который всегда найдет спрос в рекламном бизнесе. В ее жизни не может быть развода. Родственники, друзья и журналисты знают, что ей нелегко с мужем, но она его не осуждает. Быть супругой творческого человека – это тяжкий крест, и Сьюзан готова нести его до конца.

Каждый день Кевин уходит в 7 утра и возвращается в 12 ночи. Каждый день Сьюзан ждет его с поджатыми губами. Он удирает в ванную, пьет там коньяк и смотрит кино по детскому DVD-плееру.

– Не живи так, – говорю я Кевину.

– Не могу.

Он трехмерен. Его первая ипостась – режиссер блокбастеров, вторая – интеллектualan, знающий цену людям и вещам, третья – человек, всем желающий добра. Кевин постоянно блуждает в этих трех соснах и никак не может из них выбраться. Что-то одно всегда противоречит другому.

Вчера Сьюзан позвонила и пригласила меня в гости – для того, чтобы Кевин остался дома.

А я что? Я пошла. И своего мопса Ронского-Понского взяла – чтоб он ей на ковер нассал.

Ронский вместо этого нюхался с их лабрадорихой. Чего нюхаться-то, спрашивается, если оба кастрированные?

Впрочем, мы с Кевиным тоже нюхаемся безо всякой надежды на счастье.

Детство (мемуары)

[1970 г.]

Мне четыре года. Я большая: с этой зимы мне повязывают шарф узлом наперед и разрешают одной ходить по квартире.

Плутать в ее сумеречных коридорах очень интересно: на стене висит полуразобранный велосипед дяди Сережи, и я восторженно кручу огромное колесо со спущенной шиной. Мне представляется, что это колесо обозрения. Если с помощью клея приделать к нему оловянных солдатиков, то... Да знаю, знаю! Папа поссорится из-за меня с дядей Сережей, и тот не позовет его смотреть телепередачу «13 стульев». А когда папа остается без «Стульев», я всегда остаюсь без компота.

В углу белым айсбергом возвышается холодильник бабы Шуры. Туда строго-настрого запрещено лазить. А я и не лажу: там все равно ничего нет, кроме половины старого батона и каких-то свечек в картонной коробке. Баба Шура их очень бережет и не использует, даже когда отключают электричество.

На прошлой неделе у нее был день рождения. Баба Шура испекла торт со сливочным кремом и выставила его на подоконник – пропитываться. Пока гости пили за здоровье именинницы, я тихонечко прокралась на кухню и навтыкала в торт бабы-Шурины свечи.

Брать спички мне не разрешали, поэтому я позвала маму:

– Пойдем! Надо зажечь свечки и сказать бабе Шуре, чтобы она их задула!

Мама неохотно оторвалась от разговора о праздничных наборах и пошла со мной на кухню.

Увидев мое произведение, мама очень ругалась (правда, шепотом, чтобы никто не услышал), потом долго залеплиwała кремом дырки от свечек. Про то, что случилось, она никому не сказала («а то бы гости торт есть не стали») и в тот же день купила бабе Шуре новые свечки. Только почему-то не в хозяйственном, а в аптеке.

Еще в коридоре стоит вешалка с пальто. Если на нее долго смотреть, то поймешь, что это рожа индейца. Я его боюсь и всегда прохожу мимо как можно скорее. Над ним, на верхней полке, белеет заячья шапка – это маленькое привидение, младенец-грудничок. Летать оно пока не умеет, но я знаю – скоро научится.

А под вешалкой храпит Николай Петрович, сапожник из мастерской при ЖЭКе. Он опять «нажрался» и «не донес себя до койки». Я люблю, когда он нажирается. Он тогда либо поет «Едут, едут по Берлину наши казаки», либо спит. А когда он спит, я могу безнаказанно стырить у него резиновый клей, чтобы приклеить на велосипедную шину моих солдатиков. И бог с ним, с компотом. Баба Шура обещала меня ирисками угостить.

Машина желаний

[28 мая 2005 г.]

Арни говорит, что я должна быть доброй феей:

– Вспомни себя в детстве. Ты наверняка хотела, чтобы у тебя была крестная фея, которая бы исполнила твое заветное желание. Было такое?

– Было.

Ах, по молодости я действительно нуждалась в помощи потусторонних сил. Мне очень хотелось погибнуть за правое дело: стерпеть пытки фашистов, ничего им не сказать и попасть в список пионеров-героев. Но все фашисты в нашем районе вымерли задолго до моего рождения.

– Так вот, – продолжил Арни, – представь, что ты и есть добрая фея и ты послана на землю, чтобы помогать людям. Твоя жизнь сразу же наполнится смыслом, ты обретешь душевный покой...

Я долго думала, кого бы мне осчастливить. Племянника Джоша? Фиг ему – он мне и так шесть штук должен. Сестру Лелю? Подругу Мелиссу?

На автобусной остановке сидел черный паренек с глазами побитого щенка. Я подошла.

– Какое твое самое заветное желание?

– Fuck you!

– Ну... пошли...

Не пошел, паразит. Людям не нужна моя доброта.

О доблестях, о подвигах, о славе

[30 мая 2005 г.]

Кевин позвонил в шесть утра:

– У меня для тебя новость: сегодня ты снимаешься в кино!

– В роли кого?

– В роли одной женщины. Ты идеально подойдешь.

Я насторожилась: последние два месяца Кевин снимал фильм про марсиан.

– Монстром быть не согласна.

– Да при чем тут монстры?! Тебя даже гримировать не придется. Ну, почти.

– Э-э-э...

– Как хочешь. Только потом не жалуйся, что я тебя на съемки не беру.

Съемочный павильон – провода, рельсы, куски звездолетов и будуаров...

Кевин что есть сил орал на пришельцев:

– Марсиане, нах... Вам с такими рожами не Землю завоевывать, а машины парковать!

Вот ты. – Кевин подбежал к центральному уродцу. – Ты что, никогда на расстрел не ходил? Тебе сложно повстанцу по шее двинуть?!

Марсианин с ненавистью смотрел на него.

– Пусть он на тебе потренируется, – шепнула я режиссеру. – У него получится, вот увидишь!

Кевин сурово зыркнул на меня.

– Ладно, перерыв. Всех ненавижу. Уроды!

Бряцая оружием, уроды разошлись пить кофе. Костюмеры и гримеры поскакали следом – следить за доспехами и рогами.

– Какие у меня будут слова? – спросила я Кевина.

Тот устало листал сценарий.

– Никаких. Тебе надо просто полежать на столе.

– То есть?

– Ты будешь изображать павшую в боях.

– Я что, труп буду играть?!

– Ну да! Повстанцы будут целовать тебя в лоб и клясться отомстить.

– Ну как, нравится? – спросила гримерша Стелла, специалист по огнестрельным ранениям и покойникам.

Из зеркала на меня смотрела бескровная рожа с тяжелыми мешками под глазами.

– Блестяще! – сказал Кевин. – Натуральный мертвец!

– Перестань потеть!

– Я не могу! Мне жарко!

– Стелла! Попудри ее! У тебя есть что-нибудь от пота?

– Тальк для ног.

– Шутники, нах... Будем до вечера снимать – пока не закончим сцену!

Сцена хрен знает какая, дубль хрен знает какой.

Я лежу. Я не ржу. Я стараюсь не дышать.

Вот известная звезда с автоматом на плече наклоняется ко мне.

От звезды разит пивком. Звезды любят алкоголь.

И вообще теперь я знаю, кто как пахнет и что ест.

... – Это тяжелая утрата для повстанческого движения. Уходят лучшие из лучших. Наш долг – отомстить. Наш долг – не сдаваться. Наш долг – каждый день вдохновляться героическим примером...

– Снято!

Кевин подошел ко мне.

– Ну, слава богу! Лежала – загляденье. Дай я тебя хоть поцелую!

Не далась. Меня сегодня нацеловали на три года вперед.

А вообще сниматься в кино мне не понравилось... Хотя теперь у меня будут фотографии с собственных похорон – штатный фотограф все заснял. Затребую с Кевина снимочек, вставлю в рамку и повешу над камином.

Прогресс нравственности

[3 июня 2005 г.]

Не так давно по телевизору показали грудь Джанет Джексон – она выступала на сцене, и у нее слетел бюстгалтер. Вся страна развратилась на десять лет вперед. Судебные иски, возмущенные звонки... Такая беда случилась, что просто не спастись.

Каждый пуританин в отдельности не видит в голой груди ничего зазорного – у кого своя есть, у кого – женина. Но стоит им собраться вместе, и все – титькам бой. Причем никто не борется за то, чтобы грудь не показывали лично ему: он-то сам как-нибудь удержится от грехопадения. Этим борцам всегда хочется, чтобы не смотрели другие.

Цензура (хоть по поводу груди, хоть по поводу политики) – это завуалированная мания величия: я огражу вас, убогих, от беды.

Вон в Северной Корее есть только внутренний Интернет. И только один телеканал. Информация проходит жесточайшую проверку на соответствие идеям Чучхэ.

Вводить цензуру в стране – это в открытую признать свой народ дураком, который не в состоянии отличить хорошее от плохого. Если мы уверены в собственной правоте, то какой смысл скрывать от близких неправильную точку зрения? Ведь любой здравомыслящий человек сможет разобраться, кто прав, а кто нет.

Правитель, устанавливающий цензуру, расписывается либо в собственной неправоте, либо в дебильности своей нации. Что, кстати, не мешает ему провозглашать ее великой.

Нестыковочка выходит: великий народ, которому не разрешают принимать самостоятельные решения – как маленькому ребенку или сумасшедшему.

Мастер и Мардж

[5 июня 2005 г.]

Мой племянник Джош говорит про себя следующее:

– Да, я гений. Это может подтвердить любой мало-мальски образованный человек.

Образованных людей на свете немного: его герлфрендша Сара, моя сестра Леля и заведующая детсада «Золотой ключик».

О собственной одаренности Джош узнал в пять лет. Он нарисовал несколько улыбающихся пауков с ушами и заявил, что это коллективный портрет детсадовского руководства. Видимо, в отместку заведующая сказала, что рисунок гениален. Тем самым она испортила мальчику жизнь.

Все последующие годы Джош потратил на создание нового в искусстве.

– Ну скажи, о чем тебе говорит рембрандтовский «Портрет старика в красном»? – вопрошал меня племянник. – А мой «Запутавшийся старик» говорит о свободной любви и открытости.

«Старик» Джоша и вправду открыт всему миру: там, где порядочному человеку надлежит иметь трусы, у него имеется огромный хрен, завязанный узлом макраме.

– Хочешь, я продам тебе эту картину?

Это был первый и единственный раз, когда я купила его произведение: мне нужен был презент на День святого Валентина. Хотела бывшему мужу подарить.

Джош осознал, что на мне можно делать деньги.

– Я принес тебе еще трех стариков: «Старик на урановой шахте», «Кокетливый старик в костюме французской горничной» и «Старик, совсем-совсем обедневший».

– Джош, я занимаюсь литературой, а не живописью.

– А я к каждой картине написал по стиху. Вернее, по поэме. Я тебе завтра пришлю рукопись.

– Джош, иди, детка, в жопу.

Но мальчик недаром рос в нашей семье: ослиное упрямство и настойчивость – это у нас в крови.

– Тетя Мардж, ты же знаешь, что хорошо продается! Что ты хочешь, чтобы я написал? Фантастический роман? Что-нибудь про лесбиянок?

– Учебник по китайскому языку. Сейчас эта тема очень актуальна.

– А какой у меня будет гонорар?

– Джош, давай я тебе дам тридцать долларов и ты от меня отстанешь?

– Ну хорошо, я тебе завтра позвоню.

– Пятьдесят долларов – и ты мне не позвонишь ни завтра, ни послезавтра и вообще исчезнешь до конца месяца.

– Тетя Мардж, а ты знаешь, что сейчас можно слетать в космос за деньги? Я тогда уеду еще надолго.

Я не стала говорить, что сейчас можно и похоронить в космосе. А то если Леля прознает о моих намеках, она очень обидится.

Никогда

[12 июня 2005 г.]

Никогда не ношу пистолет. Я его купила после того, как посмотрела фильм про Джеймса Бонда. Ночью мне приснилось, что мистер Бонд угнал мою машину в силу «производственной необходимости». Схватил за ворот, выкинул на обочину и умчался бороться со злом.

Целую неделю я носила пистолет под пиджаком – на манер киношных детективов. Чувствовала себя и преступницей, и королевой мира. Это нечто особенное – ощущать оружие на своем боку.

А потом наступила жара. Кевин участливо глядел на мой пиджак и качал головой. А потом не выдержал:

– У тебя что, радикулит разыгрался?

С тех пор пистолет лежит в хлебнице на кухне. Сейфа у меня нет, в столе его Джош может найти, а если положить пистолет в бельевой шкаф, то тогда не найду его я. В шкафу у меня Бермудский треугольник.

Никогда не ем сало. Мне и своего хватает.

Никогда не пью за рулем. В пятом классе я сломала руку, на школьной фотографии меня запечатали в гипсе. Гипс мне совершенно не идет.

Никогда не смотрю «Иронию судьбы». Главный герой слишком уж напоминает трюфель: нечто белесое, бесформенное – сомнительного качества и непонятого назначения. За него бьются не потому, что он нужен, а потому, что иначе нечего будет показывать по телику.

Никогда не читаю инструкции к технике. Не осиливаю.

Никогда не пишу ха-ха, размечтались...

Никогда не понимала зачем Герасим утопил Муму. Ведь можно было на пальцах наврать, что утопил. Что, барыня полезла бы в воду проверять?

Никогда не пыталась прыгать с парашютом, запивать огурцы кефиром и баллотироваться в Сенат. Страшно.

Никогда не верила в Деда Мороза. В нашем детсаду его роль исполняла повариха тетя Глаша. «Дед Морозов с титьками не бывает», – сказал мой друг Вовочка. Так он испортил мне половину детства.

Собачье сердце

[15 июня 2005 г.]

Из кухни слышится ласковый бас:

– Ну, песик, ну, милочка, ну съешь еще ложечку!

Барбара, моя домработница, уговаривает Ронского поужинать. Тот воротит сытую харю, страдальчески кряхтит и перебирает лапками.

У нас такой ритуал: Ронский ест собачий корм, только если перед ним долго рассыпаются в комплиментах. При этом он с рождения глух как пень.

Недостатков у Ронского больше даже, чем у меня. Он храпит по ночам, роняет слюни на гостей; он до сих пор не усвоил, что задирать ногу на швабру – признак дурного тона.

Гладить Ронского без омерзения можно один раз в месяц – после того, как его вымоют в пэт-сервисе. В остальное время он пахнет либо моими сигаретами, либо самим собой. Не знаю, что хуже.

– Жалко, что мопсов нельзя отдать на благотворительность, – вздыхает Джош. – Тогда от него была бы польза: ты списала бы с налогов его стоимость.

Их отношения изначально не сложились: Ронский-Понский постоянно жрет Джошевы ботинки. Он считает, что они гораздо вкуснее собачьего корма.

Джош орет на него матом, но Ронскому по фиг: он все равно ничего не слышит.

– Ты ему в картинках изобрази, как ты его не любишь, – посоветовала однажды Барбара.

В результате Джош вдохновился на серию полотен под названием «Пиздец Ронскому-Понскому». По исполнению они весьма напоминают средневековые гравюры о страданиях святых: «Ронский в пасти у льва», «Усекновение главы Ронского», «Ронский после обработки кремом для удаления волос в зоне бикини».

Барбара на кухне сокрушается: бедная собачка опять ничего не покушала. А зачем ему? Он сегодня уже глодал мой банный халат – вот и наелся.

Господин мой – время

[18 июня 2005 г.]

Зашла я сегодня в универмаг – смотрю: купальники для девчонок двух-трех лет. Трусики и верх – все как положено.

И– эх! В наше время лифчик был знаком инициации. Мы мечтали обзавестись им почти так же сильно, как проколоть уши. Мы до слез спорили с родителями:

– Не пойду купаться в одних трусах! У меня – во!

«Во» пока что было скромным: так, две кочки на бескрайней равнине. Но это не имело значения: мы свято верили, что они тоже заслуживают ландшафтного декора. Мы примеряли мамины бюстгалтеры, разглядывали себя в зеркале и констатировали факт: гадкий утенок в лифчике тут же становится лебедью.

– Видала, Светка-то уже натитишник нацепила! – обсуждали мы грудастых одноклассниц.

– Да ей просто хочется, чтобы за ней пацаны бегали!

Пацаны действительно меняли нас на пышнотелых Светок и носились за ними восторженным табуном. Предложи им увидеть либо Светкин бюстгалтер, либо живого Брежнева, и они сдали бы дорогого Ильича.

Бюстгалтер был самым лучшим подарком на день рождения. Конечно, мы были рады и самошивным лифчикам: их продавали на базарах старушки-рукодельницы – ситец в цветочек, три пуговицы на спине... Но поистине роскошным подарком мог стать только НАСТОЯЩИЙ МАГАЗИННЫЙ БЮСТГАЛТЕР – с косточками, крючками и материалом, похожим на мелкую шкурку.

Такое сокровище показывали подругам в школьных туалетах. В нем фотографировались, пять минут наслаждались порочными снимками, а потом рвали их на мелкие кусочки. Импортные лифчики надевали только по большим праздникам – на Новый год и годовщину Октября. Их «доставали по благу» и передавали по наследству. И стирали только вручную – мылом «Банное» и «Земляничное».

Но главное, для чего был нужен лифчик, – так это для свиданий. Руки кавалеров шарили по нашим спинам. «Нашел!» Юноши краснели и, запинаясь, ввали про любовь. Бюстгалтер был их путеводной звездой. Он говорил о том, что секс в СССР существует и что некоторым даже удастся им заняться.

Мы носили лифчики как боевое знамя, как роковую тайну, как знак судьбы и половой востребованности. А сейчас нету никакой тайны и никакой судьбы. Вся тайна стоит восемь девяносто девять и продается со скидкой в 15 процентов.

Гадалка (мемуары)

[2002 г.]

Бывает, люди дружат на почве общей любви к искусству, или на почве ненависти к главному, или на почве совместного вынесения мусора... Мы же с Мелиссой дружим на почве взаимной зависти: я ей завидую из-за ее длинных ног и белокурых волос, а она мне – из-за знакомства с Кевином.

Впрочем, уважать Мелиссу можно не только за волосы. Она у нас бизнесвумен. Организовала свою компанию, снимает офис, платит зарплату...

Мелисса – профессиональная гадалка. Ее контора находится в очень удачном месте, как раз между тюрьмой и магазином свадебных платьев, так что недостатка в клиентах у нее никогда не бывает.

«Предсказания и магия» – гласит вывеска над входом. Внутри бархатные портьеры, свечи и книги на неведомых языках... Я как-то взяла одну: «Практический справочник животновода», Москва, 1947 год.

– Помогает в работе-то?

– Много ты понимаешь! Тебе только кажется, что это обыкновенная книга. Лишь посвященные могут читать между строк... А у тебя к тому же вся аура в дырках.

Про дырки в ауре Мелисса рассказала мне в первый день знакомства. Мы забрели в ее контору вместе с Джошем – просто так, чтоб пошалить.

Мелисса долго смотрела в хрустальный шар, а потом сказала загробным голосом:

– Опасайтесь рыжих женщин и нашего шерифа. Такая сволочь, знаете ли...

Мы с Джошем переглянулись:

– А вы любое будущее можете предсказать?

– Любое.

– А нам бы узнать выигрышный номер лотереи.

Я думала ее смутить, да куда там! Мелисса раскинула карты, почесала в затылке, а потом выдала:

– Шесть, одиннадцать, двадцать восемь, тридцать, тридцать пять, сорок один, мега восемь.

Я аж растерялась от такой наглости.

– И что, это выигрышный номер?

– Да.

– И в эту среду мы можем выиграть тридцать два миллиона?

Мелисса скрестила руки на груди.

– Почему в эту среду? Вы у меня просили выигрышный номер – я вам его дала. Но вы не спрашивали, когда именно он выпадет. Я предсказываю будущее, а не оглашаю расписание. Кстати, вам, милочка, я бы посоветовала заняться аурой. С такими дырами вам не о миллионах думать надо, а о тотальной чистке астрального тела.

В этот момент я поняла, что мы будем дружить. Возможно, даже годами.

Неидеальный муж

[20 июня 2005 г.]

Муж Мелиссы, Тедди, работает в Диснейленде Дональдом Даком: фотографируется в обнимку с детишками и марширует в ежевечернем параде.

Мелисса говорит, что он настолько вошел в роль, что даже во время секса шепчет «Oh, yes, baby!» с утиным акцентом.

– Лучше б он в Бэтмены пошел, – сокрушается она. – У Бэтменов чаевые намного выше – их женщины любят.

Но Тедди не соглашается. Он у нас бородатый, а бородатый Бэтмен – это все равно что лысая Белоснежка.

– Глаза б мои его бороды не видели! – сердится Мелисса. – Как придет в ресторан – весь соус по ней развесит. Сидит, как рыба под майонезом, и глазами хлопает.

– Борода – это наша семейная ценность, – спокойно разъясняет Тедди. – У моего папы была такая же.

– Твой папа работал Санта-Клаусом и привидением в комнате страха.

– А я тоже могу привидением...

– Спасибо большое! Если ты мне еще и выть по ночам будешь... Слушай, а может, тебе стать Чубакой?

Я хихикаю. Тедди дивно будет смотреться в костюме Чубаки – при его-то росте чуть выше табуретки. Жаль, нельзя предложить ему роль Мастера Йоды: во-первых, опять будут проблемы с бородой, а во-вторых, если Тедди заявит Мелиссе в постели: «Фиаско я потерпел. Скрыться должен я», то она его точно из дома выгонит.

Один день Мардж Тенш

[23 июня 2005 г.]

Быть литературным агентом – это встать в 4 утра, чтобы созвониться с Германией. На дикой смеси языков объяснить фройляйн секретарше, кого мне нужно. Потратить 15 минут, а потом получить ответ: «Ой, а он только что вышел!»

Крикнуть: «Ну и хенде хох с тобой!» – и яростно зашвырнуть телефон в угол.

Попытаться уснуть. Столкнуть с кровати Ронского-Понского, который чего-то от меня хочет. Понять, что Ронский-Понский хочет писать и ему нужно открыть дверь.

Встать, открыть, закрыть, лечь.

С утра залезть в электронную почту и обнаружить там 36 писем. Десять из них – спам, на 26 нужно ответить. Шесть – от партнеров и клиентов. Двадцать – от графоманов, которые хотят от меня денег.

У писателей, которые не умеют писать, есть общее свойство – они не умеют еще и читать. Они не читают классиков, поэтому не понимают, что такое хорошая литература. Они не читают современников, поэтому не понимают, насколько им далеко даже до среднего уровня. Но больше всего меня огорчает, что они не читают мои инструкции. На моем сайте черным по белому написано, что именно и как мне стоит присылать.

Но графоманам все по фиг. Каждый день они шлют философско-эротические триллеры с элементами фантастики, мистические одиссеи капитана Пулемета, трактаты «Как нам обустроить Россию (Америку, Евразию, Вселенную и т. п.)» и любовные романы, в которых достоверно выглядят только фамилии авторш. Весь этот полет мысли я безжалостно удаляю, а писателям отправляю вежливый отказ. В коллекцию идут только рукописи о жидомасонском заговоре.

Они похожи друг на друга, как яйца на полке холодильника. Каждая из них начинается с вопроса «Почему везде они?» и заканчивается списком бредовой литературы, опубликованной в полуподвальном издательстве начала 90-х. Список всегда одинаковый.

Пишут все это не кто-нибудь, а лучшие сыны человечества, которые хотят протереть ему глаза. Лучших сынов я временами зачитываю в хорошей компании. Народ ржет до слез.

На письма у литагента уходит полдня: сначала всем ответить, потом свои послания настроить.

В Индию: «А как там у нас поживает книжечка про таракана Стефана?»

В Японию: «Я понимаю, что вы хотите опубликовать труды физика Гольдштейна, но, во-первых, у Гольдштейна нет трудов, у него есть только несколько статей, а во-вторых, у меня нет самого Гольдштейна: он не отвечает на звонки».

В Нью-Йорк: «Есть отличная книга Соколовой „Второй брак“ – хотите? Из нее вы узнаете, почем фунт лиха на Руси».

В Россию: «Нет, в этом году я не еду на Московскую книжную ярмарку».

Еще в Россию, еще в Нью-Йорк, еще в Чикаго и в Атланту...

Телефон: дзинь!

– Хэлло...

Общаюсь с Кевином. Потом с Мелиской, потом с газонокосильщиками, которым не заплатила на прошлой неделе. Всем обещаю, что нужно, вырубая телефон и сажусь читать рукописи.

В этот момент начинает мигать ICQ – Артур, клиент, переписал четвертую главу и хочет, чтобы я на нее взглянула.

Пишу: «Артур, солнышко, мне НЕКОГДА. Почитаю, когда напишешь ВСЕ!»

Артур обижается: «Ну я и не прошу тебя читать! Ты только посмотри!» И начинает высылать четвертую главу через ICQ. Кусками.

Я отключаю «аську». Я вообще выключаю все электрическое и иду на террасу сидеть в кресле, пить кофе и ЧИТАТЬ.

В ворота: бум! бум! бум!

– Ну что еще?

На пороге стоит черный парень с кучей цветастых журналов в руках.

– Мэм, мы собираем пожертвования в Фонд помощи молодым дарованиям.

У меня загораются глаза.

– И вы принесли мне их на дом?! Очень мило с вашей стороны.

– Нет... Но...

– Послушайте, молодое дарование – это я. Вы хотите мне помочь – замечательно, давайте сюда пожертвования и валите. Мне НЕКОГДА!

Денег мне не дают. Вспоминаю, что мне на счет должны прислать 500 долларов за только что проданную азбуку. Включаю компьютер, проверяю – хрена! Звоню в издательство:

– Где?

Мне отвечают, что завтра все будет, тысяча извинений. Только кладу трубку – дзинь! Менеджер газонокосильщиков:

– Где деньги?

– Завтра все будет. Тысяча извинений.

Мне все надоели, я беру свежий номер Book Review, иду в ванную и узнаю, что в свет вышла обалденная книжка про Китай. Полчаса думаю, в какое бы российское издательство ее можно пристроить... Топлю газету в ванной. Чертыхаюсь, злюсь и в очередной раз клянусь не читать у воды.

На часах 8 вечера. День прожит, к смерти ближе.

Generation Икс (мемуары)

[1973 г.]

К семи годам я поняла, что цель моей жизни – свержение капитализма.

Я ненавидела его почти так же сильно, как пенки от молока. По телевизору постоянно говорили о злодеяниях капиталистов: они затевали войны, мучили революционеров и хотели истребить жизнь на земле. Странно, что за плохое поведение мама грозилась отдать меня милиционеру. Вот если бы она пугала меня Капиталистом... Правда, тогда бы я выросла заикой.

Читая книги серии «Малыш», я выяснила, что главного борца с капиталом звали Ленин. Он был очень умным и добрым, и потому все перед ним благоговели.

Однажды мне захотелось нарисовать нашу улицу. На рисунке имелось все, что положено: дома, деревья, солнышко и, разумеется, памятник. Как могла, я изобразила ленинский прищур и руку, протянутую к прохожим. Шедевр нужно было срочно кому-нибудь показать, и я пошла хвастаться к двоюродной сестре.

Но Оля совсем не оценила моего таланта.

– Ты что?! – закричала она, откинув от себя рисунок. – Ленина НЕЛЬЗЯ РИСОВАТЬ ДЕТАМ!!! Ты нарисовала его НЕПОХОЖЕ!!!

Оля была старше меня на три года, и я привыкла ей доверять. Вдвоем мы поспешно зачеркали памятник, после чего стали думать: а можно ли ЗАЧЕРКИВАТЬ ЛЕНИНА, НАРИСОВАННОГО РЕБЕНКОМ? Взрослых рядом не было, и подсказать правильное решение было некому. Посоветовавшись, мы решили, что лучше скрыть следы преступления, порвали рисунок и кинули его в унитаз.

Только потом до нас дошло, что мы совершили настоящее святотатство: мы ведь не только зачеркали Ленина, нарисованного ребенком, но еще и СПУСТИЛИ ЕГО В КАНАЛИЗАЦИЮ!

...Благоговеть перед Лениным и партией было не так просто, как кажется. В 1970-е годы в СССР была страшная напряженка с туалетной бумагой, и в сортирах обыкновенно лежали порванные на кусочки газеты. А в газетах печатались портреты вождей.

Как– то раз я спросила маму, что будет человеку, если он вытрет попу Брежневым?

Мама побледнела и сказала, что газеты вредны для здоровья, так как типографская краска содержит свинец. На следующий день она купила в «Культтоварах» пачку писчей бумаги и сказала папе, что «Правда» и «Труд» – это не для детей.

В актовом зале нашей школы стоял огромный гипсовый бюст Ленина, и на репетициях хора я сидела как раз рядом с ним. Как мне хотелось проверить, насколько глубоки у Ленина ноздри! Доходят они до мозгов, как у всякого нормального человека или нет?

Однажды я пришла в актовый зал раньше всех. Потренировалась на рояле, попрыгала по стульям... Ленин возвышался над сценой, как египетский сфинкс. Не выдержав соблазна, я взяла карандаш и засунула его вождю в нос (провести эксперимент пальцами я не решилась – а вдруг и вправду доберешься до чего-нибудь страшного, типа мозгов?).

Результаты опыта меня разочаровали: дырки оказались настолько неглубокими, что если посмотреть снизу, то было видно, где они заканчиваются. С горя я раскрасила изнутри сначала одну ноздрю Владимира Ильича, а потом вторую.

Так что если школа № 63 города Нижнего Новгорода до сих пор хранит этот бюст, советую администрации никому его не отдавать. Когда я помру и фанаты примутся за создание моих квартир-музеев, этого Ленина можно будет продать за большие деньги.

Звезды – холодные игрушки

[29 июня 2005 г.]

Джош не единственный человек в нашей семье, искренне верующий в свою гениальность. Тщеславие и самодовольство – это наша семейная черта, и мы с удовольствием передаем ее из поколения в поколение.

Про мою одаренность я узнала от бабушки Дины. В ее доме не было воды, и мы ходили мыться в городскую баню.

– «Помойка женщин переносится на послепраздники», – прочла я надпись на двери.

Бабушка так и села.

– Профессорша! Всего пять лет, а какие слова прочитать может!

Масла в огонь подлила математичка Серафима Сергеевна по прозвищу Полковник СС. Она постоянно уговаривала родителей отдать меня в гуманитарную спецшколу – желательно в другом районе, а лучше – в другом городе.

В разное время в мои необычайные способности верили мужья, свекрови и налоговые инспекторы. Но каждый из них потом разочаровался.

Бабушка Дина умерла, Полковник СС тоже... И некому мне сказать, что еще не все потеряно.

Вечером я отправилась утешаться к Кевину. Он живет в gated community – полтора десятка дворцов за высоким забором. На въезде сидят охранники – берегут покой жильцов. Но я туда и не суюсь: охранники – народ простодушный, сразу заложат меня Сьюзан. Мы лучше с обратной стороны подъезда, к решетчатой калитке. Она как раз выходит на задний двор, туда, где у Кевина мусорные баки стоят.

Выключив зажигание, я достала сотовый.

– Алло, это я. Приходи на помойку.

Кевин выбежал в домашних трениках и ветровке. Мы сели на заднее сиденье.

– Будешь? – Он вытащил из кармана охотничью фляжку. – Армянский коньяк. Только сегодня купил.

Через пять минут жизнь наладилась.

– Ты достойна войти в историю, – сказал Кевин, расчувствовавшись. – Я назову твоим именем звезду. Заплачу пятьдесят долларов, и ее во все каталоги внесут.

От звезды по имени Мардж я отказалась и вместо этого потребовала сделать мне октябрьскую звездочку, поп-звезду и звезду «Героя Советского Союза».

А потом мы выпили еще и решили, что в небе обязательно должно быть созвездие «Пять звездочек».

Пусть Кевин – женатый дурак. Я все равно его люблю.

По ком звонит колокол?

[7 июля 2005 г.]

Лондон... Все мои живы-здоровы, а Кевин до сих пор не может вызвонить брата.

Они нас убивают – потихонечку, в разных уголках мира: Нью-Йорк, Москва, Бали, Мадрид, Багдад, Лондон... Сердце замирает, веки наливаются горячим: звонить, звонить! Как там родные? Как друзья? Целы? Здоровы? Уф, слава богу, пронесло!

И снова покой – камешек упал, круги по воде разошлись.

Мы относимся к ним как к стихийному бедствию, как к неизбежному злу, как к автомобильным авариям, которые каждый год пожирают полмиллиона человеческих жизней.

А что мы можем сделать? Что может сделать хорошая сдобная тетка, чтобы этого никогда больше не повторилось? Да ни черта!

Мое правительство – та сила, что вечно ищет добра, но вечно совершает зло. Мои соседи бледны от страха: они требуют ужесточения визового режима. Это не спасет их детей, но даст им хоть какое-то успокоение. Мои друзья... Да что говорить! Через неделю о нынешних событиях будут вспоминать только те, кого напрямую задело взрывом. Через две – фраза «теракты в Лондоне» станет привычной.

Я вновь буду копошиться в своих делишках, любить Кевина, потешаться над графомами... И не буду чувствовать, какое же это счастье – просто жить, просто быть целой, со всеми руками-ногами...

И все по новой, до нового срочного сообщения по телевизору.

Мир, иди на хер! Ты больной и не лечишься.

Художник (мемуары)

[1964 г.]

Мой папа был художником, специализирующимся на политических плакатах. Каких шикарных Дядей Сэмов он рисовал! Взглянешь на эту рожу с бородкой и сразу ясно – козел.

Каждый раз, когда я глядела на папины антирасистские плакаты, мне хотелось усыновить негритенка. А насмотревшись на «Руки прочь от Вьетнама!», я подговорила Пенькову и Гришину отправиться на войну. К сожалению, моя сестра Леля обнаружила наш склад снаряжения – вырванную из атласа карту, жидкость от комаров и суп быстрого приготовления «Вермишелевый». Она вскрыла все четыре пакета и выжрала из них сушеное мясо, а карту отдала мальчишкам, чтобы они искали по ней клад. В общем, Америке повезло и мы никуда не поехали.

Своим рождением я тоже обязана папиному творчеству.

На Первое мая папа получил халтуру – нужно было оформить сцену для праздничного концерта в ДК имени Ленина. Начальству работа понравилась, и художнику выдали пригласительный билет.

Первым номером выступал ансамбль народной пляски. Под громкое «И-и-эх!» по сцене кружилась настоящая русская красавица. Юбки ее разлеталась, мужики пускали слюни.

Когда к зрителям вышла упитанная тетя и запела «Светит месяц», папа отправился за кулисы.

Ансамбль пляски – усталый и покрасневшийся – раскуривал на лестнице папироску на девятых. Папа долго стоял в отдалении и смотрел на артисток. Он никак не мог вспомнить, чьи же ноги так его потрясли.

– Которая солистка-то? – спросил он пробежавшего мимо конференсье.

– Да вон!

Папа вздыбил рукой чуб и пошел в атаку.

– Девушка, а можно вас на минутку?

Впоследствии оказалось, что конференсье ошибся и вместо солистки Абрамовой указал на рядовую Титову. Но папа ни разу об этом не пожалел.

Отозвав девушку в сторонку, он начал рассказывать про соцсоревнование между художниками.

– Нам до зарезу нужна модель. А вы идеально подходите! – божился он. – Я вас прошу только об одном: попозируйте для меня!

Девушка смущенно улыбалась и поглядывала через плечо на подруг. Договорились встретиться в студии – в воскресенье в шесть вечера.

Всю неделю папа изобретал концепцию плаката, который мог выйти в печать. Титова должна была осознать, что она познакомилась не с пустобрехом, а с настоящим издающимся художником.

Но руководство интересовали только слава КПСС, гибель империализма и техника безопасности. Конечно, можно было нарисовать Титову на плакате «Уходя, гаси свет!»... Но тогда ей пришлось бы позировать в рабочей робе. От таких мыслей папе становилось грустно.

К воскресенью он так ничего и не придумал. Ходил, меряя шагами студию, поглядывал на часы. «Она не придет...»

Полседьмого в дверь постучали. Титова стояла на пороге с двумя огромными сумками. – Извините, в прачечную забежала, – сказала она. – Нужно было простыни забрать. И тогда папу осенило.

Через пару месяцев из Горьковской типографии вышел плакат: статуя Свободы, замотанная в простыню, читает телеграмму:

«Разоблачение грядет.

Сдавайся сразу. Твой народ.»

– Экая у тебя американка вышла! – восхищался папин друг Воронкин. – Прямо как из «Плейбоя»!

Папа усмехался в усы. «Статую» хотели зарубить на комиссии, но председатель сказал, что плакат – жизненный, так как показывает распушенность Америки. А потом повесил его в своем кабинете.

Секс в большом городе

[11 июля 2005 г.]

Кевин – моя привычка. Визиты к Арни – ее следствие.

Я не умею жить, когда мне не о ком думать. У Кевина есть то, перед чем невозможно устоять, – мозги, и поэтому из всех знакомых мужиков я выбрала именно его. Сидя в пробках или гуляя по магазинам, я вспоминаю наши слова и взгляды – в этом заключается моя любовь.

Он изящный сноб, от него пахнет аристократизмом. Я как-то сказала ему:

– Тебе обязательно нужен герб. Ты без герба – как президент без штанов.

Кевин только ухмыльнулся:

– И что мне на нем нарисовать?

– Придумай какой-нибудь красноречивый символ.

Он придумал. На следующий день прислал мне по факсу эскиз: в центре щита – мультяшный старичок-каторжник с ядром на ноге, а по бокам – страусы, сунувшие головы в песок.

Кевин знает цену не только окружающим, но и себе.

Я закрываю глаза и на Сьюзан, и на отсутствие перспектив. Мне надо о чем-то мечтать.

Звоню Кевину:

– Хочешь, я тебе устрою секс по телефону?

– У меня сейчас футбол по телевизору... Давай потом, а?

И голос такой жалобный-прежалобный.

Чудеса

[14 июля 2005 г.]

Вот был бы у меня мужик, я бы его за пивом отправила, а так пришлось тащиться самой. По дороге купила компьютерную игру «Моя фантазийная свадьба». Уж больно аннотация понравилась: «Спланируй самый счастливый день в твоей жизни! Выбери жениха, платье, торт и все остальное! Воплоти свои мечты в реальность! Твой суженый ждет тебя!»

А ниже приписка: «Для детей от 6 до 12 лет».

Грабеж (мемуары)

[1974 г.]

Впервые я столкнулась с миром криминала в восемь лет.

Банты, школьное платье и фартучек, похожий на те, что носят официантки придорожных кафе. В кармашке у меня хранилась сокровищница: знаменитая на весь 2-«Б» коллекция календариков.

Я владела очень ценными экземплярами – из серии «Города» и «Цирк». Более того, у меня был всамделишный гдээрзовский календарик с кораблем.

Как мне завидовали! Мне предлагали обменять его на любые богатства – хоть на настоящую кнопочную ручку, хоть на коллекцию фиолетовых биток. Но я была непреклонна и хранила кораблик, как Кощей свою смерть.

Каждый вторник и пятницу я тащила в музыкальную школу на репетицию детского хора. Петь прикольные песни из репертуара Кобзона нам не разрешали, и мы печально тянули программное «Шла баржа по Волге широкой».

Бог ведает, почему хормейстер Маргарита Александровна мучила нас бурлацкими песнями. Может, виной тому было извращенное чувство юмора, а может, ассоциации бурлацкой лямки с нелегкой долей дирижера... Как бы там ни было, у нас весь репертуар состоял из «Дубинушек» и «Похоронили парня под откосом».

Как страстно мы завидовали школе искусств! Там детский хор бацал «Мы красные кавалеристы» и «Шел отряд по бережку». У них и форма была намного круче: красные плисированные юбки, галстуки-бабочки и буденовки. А у нас – унылые жабо, похожие на кухонные занавески.

Единственное, что спасало меня от скуки репетиций – это календарики. Сядешь на последний ряд, разложишь их на коленках... Девчонки смотрят и завидуют!

Но однажды приключилась беда.

– А ну дай сюда! – сказала Маргарита Александровна, которой очень не понравилось, что все глядели на меня, а не на нее.

Я протянула грозной женщине календарик, который похуже.

– Все, все давай! – велела Маргарита Александровна.

Мои «Города» и «Цирки» переключались в упитанную ладонь музыкального работника. «Кораблик» уплыл следом.

Петь я уже не могла: губы дрожали, слезы текли ручьями и скапливались, невытертые, под подбородком.

После репетиции я подошла к роялю.

– А можно...

– Нельзя! – отрезала Маргарита Александровна. – Отдам только родителям.

Но я не могла привести в музыкалку родителей! Иначе они мигом раскрыли бы мой сговор с учителем по баяну. Он поклялся меня не учить, а я обещала помалкивать насчет скрипачки Людочки, с которой он запирался в красном уголке.

До конца учебного года я не пропустила ни одной репетиции хора – все надеялась, что Маргарита Александровна вернет мне похищенное. Я несколько раз улучала момент и рылась в ее пахнувшей холодильником сумке. Все было тщетно: календарики исчезли. Вероятно, Маргарита Александровна отнесла их домой и присоединила к собственной, разросшейся от постоянного грабежа коллекции.

Год спустя Борька Папахин спер у нее золотое кольцо, лежавшее на рояле. Маргарита Александровна жутко кричала. Она вытащила Борьку на середину зала и хотела заставить его на коленях просить прощения.

– Ты вор! По тебе тюрьма плачет!

– Иди на хер!

Все онемели от изумления. Ляпнуть ТАКОЕ взрослой женщине?! Тем более преподавателю?! Маргарита Александровна выпустила Борькину руку, и тот неторопливо вышел из актового зала.

Я была уверена, что Папахина посадят в тюрьму, но его всего лишь отругали на родительском собрании.

– Все по закону, – сказал Борька после этого, – если взрослый тырит у маленького, ему ничего не бывает, и если маленький тырит у взрослого – то же самое. Единство и борьба противоположностей – мне это старший брат объяснил.

Имя Барбары

[1 августа 2005 г.]

Барбара моет микроволновку. Попу туго обтягивают розовые штанишки. Каждое движение преисполнено изящества.

– Барбара, сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

Самый сок. Интересно, что она делает по вечерам? Ни за что не поверю, что она, как все прочие, сидит перед телевизором. Таким девушкам надо вести порочную жизнь, ездить на дорогом мотоцикле и носить кожаный плащ. Она должна входить в ночные клубы и, сняв перламутровый шлем, встряхивать роскошными волосами. Она должна курить длинные сигареты и оставлять следы помады на шеях мужчин.

– Барбара, ты знаешь, что означает твое имя?

Дива стаскивает резиновые перчатки.

– А оно что-то значит?

– В переводе с латыни «Барбара» означает «дикарка». Тебе очень подходит твое имя.

Барбара не понимает, чего мне от нее надо. Ее мир прост, как суповая тарелка. Ее родители – добрые трудолюбивые люди – тринадцать лет назад нелегально пересекли американо-мексиканскую границу. Это был единственный способ вырваться из глухой нищеты, передающейся детям, как наследственная болезнь.

– Барбара, тебе определенно нужен «Харлей Дэвидсон».

– Да нет, микроволновку лучше мыть обыкновенной содой. Она запах убивает.

«Королева Мэри»

[17 августа 2005 г.]

Океанский лайнер «Queen Mary» очень похож на «Титаник». Та же роскошь, те же пропорции, те же черно-оранжевые трубы... Его палубы помнят многих звезд XX столетия – от Уинстона Черчилля до Кларка Гейбла. Это был корабль-мечта – может быть, не столь широко разрекламированная, но зато непотопляемая.

«Королева Мэри» давно уже вышла на пенсию: теперь в ее каютах располагается гостиница. Мы с Кевином забрели сюда ради фотовыставки Джорджа Хёррелла¹. Золотой век Голливуда – черно-белая красота...

Я смотрю на Кевина.

– Представляешь, мой отец плавал на этой посудине, – говорит он чуть слышно. – В тысяча девятьсот сорок четвертом году сюда затолкали шестнадцать тысяч солдат и повезли в Европу. А в мирное время корабль был рассчитан на две тысячи пассажиров.

Отец Кевина каждый вечер писал письма домой без надежды отправить. По ночам небо гудело: немецкие бомбардировщики пытались атаковать транспорт. Громыхали зенитки, орали офицеры... Акустики то и дело докладывали о подводных лодках.

Днем тишь, штиль и силуэты конвойных судов неподалеку. Куда ехали? Зачем? Если ударит торпеда, никому не спастись. Если доплывут, то половина сгинет в европейской мясорубке.

Я хожу по палубам «Королевы» и наяву слышу шум тысяч голосов. На стенах вместо голливудского гламура – плакаты: «Покупайте облигации военных займов!» В коридорах – ноги, каски, котелки... Плиты на камбузе горят круглосуточно. В туалет очереди, как в кинотеатр.

Мне преподавали историю так, будто американцы только купоны стригли на этой войне. Как будто не было ни Перл-Харбора, ни Нормандии, ни Ио Джимы. Ан нет: все та же боль, все тот же страх, все тот же шепот: «Вернись живым!»

¹ Хёррелл Джордж (1904–1992) – американский фотограф, специализирующийся на съемке голливудских знаменитостей.

Универсальный солдат

[1 сентября 2005 г.]

Джошу удивительно идут душевные терзания. Когда он в печали, у него и лицо одухотворяется, и глаза становятся как у приличного человека.

– Значит, ты решил записаться в морскую пехоту? – осведомилась я.

Джош угрюмо вертел в руках ключи от машины.

– Угу.

– И, надо полагать, твое появление в Ираке переломит ход войны.

– Ну...

Да, Джош у нас смертоносец, что и говорить... Помнится, он как-то демонстрировал приемы рукопашного боя на Ронском-Понском. Ронский победил.

– И что тебя навело на эту гениальную мысль?

Джош вскинул на меня гневные очи.

– Теть, ну смотри! Тебе каждый месяц платят зарплату, но при этом ты живешь на всем готовом и тратишься только на стрижку и форму. Плюс бонус... Они, кстати, хотят поднять его до сорока тысяч долларов.

– А знаешь почему? Потому что потери в Ираке продолжают расти, а число дураков, желающих помереть, сокращается. По вполне естественным причинам.

Губа Джоша выпятилась, как панелька дисководов.

– А в авиации никакого недобора нету!

– Потому что иракцам очень трудно захватить в плен бомбардировщик: автомат немного недостреливает. Но ты-то собрался в морпехи...

– «БМВ» хочу купить, – наконец признался Джош. – Если мне дадут сорок штук, то...

– Мы тебе на них дивный памятник отгрохаем. Со скульптурной группой в изголовье: «Иракцы отрезают голову американскому герою». Закажем у Церетели – он как раз специализируется на эпических композициях. У нас и исходные материалы будут: наверняка «Аль-Джазира» любезно предоставит нам видеозапись твоей кончины.

– Ну, тетя! Мне рекрутолог сказал, что я буду специализироваться на электричестве! Я вообще при штабе буду! К тому же, может, меня и не пошлют ни в какой Ирак.

Я смотрела на своего племянника. Что твориться в голове у этого балбеса?

– Как думаешь, те, кто лежит сейчас в могилах, думали, что убьют именно их? А те, кто валяется по госпиталям, предполагали, что именно они напорются на мину? Что ты скажешь себе, если нечаянно пристрелишь беременную иракскую бабу? Что ты не хотел? Что это случилось случайно?

Выражение лица Джоша было достойно фотоаппарата Джорджа Херрелла.

Пусть думает: ему это идет.

...Джош стесняется говорить со мной об истинных причинах. Он считает меня циником, способным воспринимать только «БМВ».

На самом деле Джош хочет стать героем.

Я отчетливо помню себя такой же. Помню, как я мыла посуду – тряпка из старых колготок, «Пемоксоль» на раковине, – и думала, что ненавижу этот мир. В нем не было места подвигу. Мне казалось, что жить обычно – это унижительно.

Нынешней молодежи хорошо – у нее есть Интернет. С начала иракской войны там такие баталии ведутся – ого-го! Сколько искренней радости по поводу американских потерь! Сколько счастья, когда американцам удается замочить врагов!

У этой войны есть болельщики – как в футболе. И смотрят ее по телевизору – как футбол.

Разумеется, Джош самозабвенно защищает Америку. Наверняка кто-нибудь ляпнул ему, что воевать за компьютером может любой дурак, а ты пойдی послужи, если не слабо.

Джошу не слабо.

Хорошо бы похудеть!

[3 сентября 2005 г.]

Развесила по кухне фотографии киноактрисы Рене Зельвегер, мэра Москвы Юрия Лужкова и медведя после зимней спячки. Я должна помнить, что похудение – это реально.

Ночь

Почему сегодня Ронский просыпался десять раз?

Почему сегодня Понский назывался «пидорас»?

Над домом полночи летали полицейские вертолеты (гонялись за каким-то воришкой), и моя собака решила, что без нее никак не обойдётся.

«Помощь следствию» выражалась в следующем: Ронский взлетал на кровать и проносился по мне к окну – глазеть.

Увиденное приводило его в воинственное расположение духа: а как же – ведь не каждую ночь за окном можно обнаружить кусты и фонарный столб.

– Ы-ы-ы! Хр! Хр! Ах-ах-ах! – вопил Ронский не своим голосом.

Самое противное заключалось в том, что окрестные собаки всегда поддерживают Ронского в его начинаниях. Стоит ему нагадить на газон, как остальным тоже надо – и карманному клопу Боно, и мраморному догу Маркизу де Саду. А уж почтальона сообща обляять или в какой-нибудь дряни изваляться – это вообще святое.

Я усомнилась в честности своего питомца. Мне ветеринар сказал, что у Ронского абсолютная глухота; встречать гостей он не бежит, на зов не откликается (особенно когда дело касается «Иди мыть лапы» или «Это кто здесь нассал?»).

Но когда окрестные собаки устроили концерт, у него было такое выражение на морде, какое бывает у карточного шулера, сорвавшего роял флеш.

Ведь слышит, подлец, все – и полицию, и своих дружков-подельников. Просто инвалидом жить интересней – можно гавкать среди ночи, можно жрать хозяйский лифчик, можно потихоньку слюнявить занавески... Главное – вовремя делать невинные глаза: «Ах, не придирайтесь! Только это и скрашивает мое печальное существование!»

Смешные любви

[12 сентября 2005 г.]

Подслушала, как Джош описывал меня своему приятелю:

– У меня мировая тетка! Ей сорок лет, а выглядит на все сто.

Непонятно, почему они не сошлись характерами с Ронским-Понским? Ронский проявляет любовь ко мне в том же духе: пишет от восторга мне на ноги.

Первая любовь (мемуары)

[1979 г.]

Свою школьную любовь, Вову Запаскина, я любила целых семь лет.

Это сейчас на него тошно смотреть – прикормленный депутат Мосгордумы. А когда-то Запаскин был опасным человеком... Когда-то от одного его взгляда у девушек трепетали сердца и снижалась успеваемость.

Меня Запаскин не любил, и за это я его била. Его бабушка – строгая дама с широкой, как стол заседаний, грудью – почти еженедельно требовала у моих родителей выдачи преступницы... Папа в экстрадиции отказывал, ибо не верил, что я способна выкручивать мальчикам руки со словами: «Жри землю, гад!»

Чего я хотела от Запаскина? На пение романсов под окном рассчитывать не приходилось: мы жили на девятом этаже. Дуэль? Но Запаскину было до лампочки, что физрук говорит даме «кобылица».

К девятому классу я была уже согласна на простое «I love you». Вместо этого Запаскин влюбился в златокудрую Ковязину.

Я его понимала. Ковязина давала ему списывать алгебру. Что я могла противопоставить ей?

Мы с Запаскиным дежурили в кабинете химии. Он мыл первый и второй ряд, я – третий и середину.

– Запаскин, – сказала я, отжимая мокрую тряпку в ведро. – А ты знаешь, что такое эротика?

Запаскин поднялся из-под парты.

– Чё?

Кажется, тогда я впервые поймала на себе заинтересованный взгляд мужчины. Железо нужно было срочно ковать, и я вывалила на бедного Запаскина все, что знала по данному вопросу. Поздние рассказы Бунина, уличные анекдоты и самиздатовская «Тысяча и одна ночь» произвели должное впечатление.

Давно стемнело, а мы с Запаскиным все сидели друг напротив друга и беседовали о греховном.

– «И возлегли они на ложе любви, и познал он ее», – шептала я.

– А хочешь, я тебя спирт научу разводить? – интимно поинтересовался Запаскин. – Химичка его под замок прячет, только она не знает, что у ее стола крышка снимается.

Он перелил ворованный спирт в колбы. Его локоть касался моего локтя, а левый ботинок наступал на мою туфлю. Но я ничего не замечала – сердце билось, руки тряслись.

Мы отсалютовали колбами великим химикам на стене.

«Я его соблазнила! – пронеслось у меня в голове. – Он специально предложил мне выпить для храбрости».

Его лицо покачивалось в опасной близости. Этот высокий лоб, эти чуть наметившиеся усики, эта длинная челка...

Он почему-то медлил. Видимо, ему нужен был внешний толчок.

– Запаскин, чего ты хочешь больше всего на свете? – тихо спросила я.

Он медленно прикрыл глаза.

– Честно?

– Честно.

– Стать моряком.

В ту ночь я его так и не познала.

Сначала Запаскин рассказывал мне про море, потом блевал в химичкину раковину, а потом пришел сторож и сказал, что напишет на нас докладную.

Неизменный пятак

[22 сентября 2005 г.]

Когда мы с сестрой Лелей начинаем что-то искать, то всегда находим не то, что надо. Ищем тапочки – обнаруживаем книжку «Секс для чайников».

Джош поспешно тыкает пальцем в сторону пятилетнего соседа, зашедшего к ним на пирожки:

– Это его!

Я раскрываю книгу на первой странице: «Моему дорогому бэйби в день рождения. С любовью, С. К.».

– Я же говорил, что это его, – торжествует Джош. – Это подарок от Санта-Клауса.

Если мы ищем, куда Ронский-Понский зафигачил стухшую кость, – то находим компрометирующие письма моего бывшего клиента. Несколько лет назад я бы душу за них продала. А сейчас... У него камни в почках, уретрит и нервный тик. Сейчас его может скомпрометировать только анализ мочи с повышенным содержанием лейкоцитов.

Неделю назад мы искали мелочь, чтобы платить за парковку. Но вместо этого Леля обнаружила настоящий советский пятак.

– Помнишь, в Москве метро стоило пять копеек? Кидаешь пятак в турникет и идешь.

– А еще карманники затачивали пятаки с одной стороны и резали ими сумочки в автобусах.

– А еще студенты клали пятаки под пятку – на счастье.

– А еще их прикладывали к синякам.

– А дядя Боря на спор сгибал пятак зубами.

– А дядя Петя получал в пятак от жены.

– А помнишь, как мы подложили пятак на трамвайные рельсы?

– А потом нас участковый поймал, и мы делали глаза по пять копеек: «Это не мы!»

Мы вспоминали пятак как усопшего на поминках – страстно и со все возрастающей нежностью. Решили почистить его, вставить в оправу и носить по торжественным дням. Но Джош все испортил. Сегодня выяснилось, что он продал наши воспоминания на интернет-аукционе – за доллар двадцать пять центов.

Пионеры (мемуары)

[1979 г.]

Раздолбанные автобусы завезли нас на территорию лагеря.

– Портянко Вера – первый отряд! – начали выкрикивать вожатые. – Кружкин Миша – седьмой отряд!

Разобравшись, кому куда, мы понеслись к корпусам, стараясь занять тумбочки получше.

– Постели застелить! Чемоданы сдать в камеру хранения! Все выходим на общий сбор отряда!

Сбор назначили на лавочках у входа. Мы крутили головами, вычисляя будущих друзей и врагов.

Охрипшая за день вожатая зачитала лагерные правила.

– Все пионеры участвуют в общественных мероприятиях. В семь тридцать зарядка... Каждую субботу – уборка территории. Выходим все без исключений...

– Да знаем, знаем... Не в первый раз приехали. Когда обедать пойдем?

– После того, как придумаем название нашему отряду.

Мы затрясли поднятыми руками – вожатая нам жутко нравилась.

– «Орленок»! Наш девиз: «Сегодня орленок, а завтра орел, мы верная смена твоя, комсомол!»

– «Дружба»! «Миру – мир, войны не нужно – вот девиз отряда дружба!»

– «Чебурашка»! «Чебурашка – наш герой, за него стоим горой!»

Чебурашка всем понравился, но был отвергнут вожатой:

– Что вы – детсадовцы, что ли? Вы бы еще «Погремушками» назвались.

– А давайте назовем «Чегевашки», – предложила я. – Ну или «Чегеваршики». А девиз будет «Че Гевара – наш герой...»

Че Гевару вожатая одобрила, правда, она решила, что «Чегеварцы» будет звучать приличнее.

Утренняя линейка. Зевающие пионеры выстраивались перед трибуной. Вразнобой долбили барабаны.

– Лаге-е-ерь! Стой, раз-два!

Начальник Василь Василич – взъерошенный, замученный похмельным синдромом мужичонка – замахал на нас руками: давайте быстрее! По утрам у него вечно трещала башка.

– Товарищ председатель совета дружины! Отря-я-яд...

– Че-ва-ва-ва!

– К утренней линейке готов! Наш девиз...

– Че-ва-ва-ва-ва-ва-ва!

Серьезная девочка-председатель сказала «вольно», и мы несколько расслабились.

На трибуну взошел гроза наших тумбочек – лагерный врач Виктор Палыч, именуемый в народе Интерполыч.

– У второго отряда опять проблемы с койками. Я вчера прошелся по корпусу – сплошная неаккуратность! У койки в первой палате вместо головы ноги! Как вам это нравится?

Пристыженные, мы молчали. Тишина стояла такая, что было слышно, как за трибуной чесалась бездомная колли по кличке Моя.

Интерполыч поднял над головой облезлого пупса с западающим глазом.

– Кукла Юля-Чистюля переходит седьмому отряду!

В седьмом – ликование, во втором, нашем, – скорбные вздохи.

– Кто спит в первой палате?! – шипела воспитательница. – А еще девочки – будущие матери!

Я незаметно отступила за спины товарищей.

Вадька Солнцев – лучший друг и соратник – пригнулся к моему уху.

– Ну что, идем сегодня Мою дрессировать?

– Идем. Мне Матвеев булку с маслом в дурака проиграл. Ты выходи после завтрака и стой под окном – я тебе скину.

Интерполыч строго следил, чтобы пионеры ничего не выносили из столовой: он боялся, что у нас в палатах заведутся мыши (хоть мы не возражали). Тем не менее контрабанда процветала. Ловля рыбы, вызывание гномиков, карточная игра – все это делалось «на хлеб».

Мы с Солнцевым нуждались в хлебе особенно – мы надеялись с его помощью приучить Мою убирать за нас территорию.

Во время «Веселых стартов» я заманила ее за трансформаторную будку, украшенную плакатами: «Не влезай – убьет!» и «Пионер растет смелым».

Моя влюбленно смотрела на бутерброд.

– Видишь пустую бутылку? Неси ее сюда!

Глаза Мои светились преданностью и полным непониманием.

– Фас бутылку! А я тебе хлеба с маслицем дам!

– Моя, ты дура! – кипятился Солнцев. – Тебе русским языком говорят: фас!

Ни уговоры, ни угрозы не помогали. Моя соглашалась приносить только палки, которые мы сами же ей и кидали.

После обеда был скандал. Василь Василич носился, как казнокрад перед проверкой, орал на вожатых, но причину гнева не объяснял.

– Всех повыгоняю! На секунду отвернуться нельзя!

Что случилось, мы узнали, вернувшись к корпусу. У крыльца, виляя хвостом, сидела Моя, а рядом валялась поллитровка, только что привезенная Василичем из сельпо.

Перед родительским днем нас погнали на сбор лекарственных трав. Это называлось «трудовой десант».

– Все организовано выходим на мать-и-мачеху! – кричали вожатые фельдфебельскими голосами.

Интерполыч бегал между отрядами и проверял наличие головных уборов. Моя восторженно носилась за ним.

Солнце в небе, пот на лбу, скука в сердце. По зеленому склону, как жуки, ползли пионеры.

– Кто сдаст меньше всех травы, того не отпустим на родительский день! – подбадривало нас руководство.

Мы знали, что это вранье, но нам все равно было страшно. Родительский день для пионера – все равно что побывка для фронтовика.

– О, буренка! – внезапно заорал Солнцев.

Со стороны дороги на мать-и-мачеховое поле забрела одинокая корова. У нее были большие глупые глаза и шкура, похожая на черно-белую карту. Забыв про все на свете, мы ринулись к ней.

– Назад! Она кусается!

Интерполыч метался, растопырив руки, но мы обходили его с флангов. Мы любим коров! Нам нужно срочно погладить это прекрасное животное! Мы хотим отдать ей нашу мать-и-мачеху!

Корова несколько секунд смотрела на нас, а потом бросилась наутек. За ней, скуля и подвизгивая, понеслись Моя и пионеры. Следом – воющее начальство.

Мы не зря играли в «Зарницу». По всем правилам военного искусства мы взяли корову в тиски и прижали к реке. Спасаясь от дураков, она запрыгнула на стоящий на берегу трактор и замычала, вызывая подмогу.

– Ах вы, нехристи!

Почтальонша Анфиса бежала к нам, размахивая хворостиной.

– За что?! – только и успел охнуть Интерполыч.

Подхватив ситцевую юбку, Анфиса вскарабкалась на трактор.

– Никому в город звонить не дам!

Атака тут же захлебнулась. Анфисин телефон был единственным средством связи с Большой землей.

Родительский день. Всех моих подружек давно разобрали, и я одна осталась сидеть на воротах при въезде на территорию. Как выяснилось потом, папа забыл, в какой лагерь сдал ребенка, и приехал совсем не туда.

– А ты что, интернатская?

Ко мне подошел Стас Сундуков – вожатый из четвертого отряда. Девятнадцать лет, майка с иностранным словом и кеды сорок третьего размера – он был очень интересный молодой человек.

Я тоже не была девочкой-ромашкой. Я уже два раза ходила на кино «до шестнадцати», и мне разрешали гулять до десяти.

Видит бог, я не хотела изменять Запаскину. Но у меня не было выбора. По ночам все девчонки в нашей палате рассказывали про своих пацанов: Ольга ждала парня из армии, Светка переписывалась с кубинцем, а Нонка вообще была целованная. Я же, как дура, при-творялась, что сплю.

– Ничего и не интернатская, – гордо отозвалась я. – У меня просто дел по горло. Мне некогда с родителями шастать.

Стас стоял и задумчиво плевал на землю. «Интересуется!» – пронеслось у меня в голове.

Я принялась развивать успех.

– А меня в редколлегию назначили. Велели всем сотрудникам к концу смены открытки нарисовать.

Вообще-то редколлегией у нас была Нонка, но Стас вряд ли стал бы это проверять.

Он лениво пнул створку ворот, и я со скрипом уехала в сторону.

«Он меня катает!»

Некоторое время мы молчали.

– Тебе лет-то хоть сколько? – спросил наконец Стас.

Я улыбнулась, как учила Нонна.

– Пятнадцать.

– Да-а? Сегодня вечером танцы в клубе будут. Небось придешь?

– Ага! А ты?

– Ну и я пойду.

– Нонка! – чуть не плакала я. – Меня Сундуков на танцы пригласил!

– Как?!

Получив необходимые советы, я помчалась договариваться насчет гардероба.

Нонкина ярко-розовая кофта, Светкина юбка в полоску, Валькины туфли почти на каблуках... Стрелки на глазах наводили всей палатой – цветными карандашами из запасов редколлегии.

На танцплощадке гремела музыка. Малышня носилась вокруг старших, нарушая нам всю атмосферу.

С бьющимся сердцем я протолкнулась внутрь круга и сделала несколько изящных взмахов руками... Стасика нигде не было видно.

– Он на сцене! – прокричала мне на ухо Нонка.

Я обернулась: мое счастье сидело на ступеньках и курило. Носы его тапочек были протерты, из них торчали салатовые носки.

Я набрала в легкие воздуха и пошла навстречу судьбе.

– Привет!

Стас оглядел меня – нарядную, как цветок.

– Ты чего руками-то махала? Комары зажрали?

Я не сразу сообразила, что это он о моих эротических па.

– Ага, – обреченно соврала я.

Танцевать я никогда не умела. Это мой крест еще с детского сада – меня даже в снежинки под Новый год не брали.

– На, затянись! – Стасик великодушно передал мне окурок. – Сигареты – первое средство от комаров.

Мы сидели на виду у всего лагеря и курили один бычок на двоих. И никто нам ничего не сказал.

На следующий день на асфальте перед столовкой кто-то написал: «Сундуков + Теньшова = любовь».

Я гордилась этим до конца смены. А на прощальном костре преподнесла Стасу открытку – срисованная с книжки Муха-цокотуха, коленопреклоненный Комарик и надпись: «Никто не забыт. Ничто не забыто. Лагерь им. Зои Космодемьянской».

Однодум

[2 октября 2005 г.]

Раньше я была книжным червем, а теперь стала интернетовским. Целыми днями брожу по разным сайтам. Это как семечки – раз начнешь, потом уже не оторвешься.

Мы со Сбышеком никогда не виделись вживую, но уже несколько лет следим друг за другом в Сети. Сбышек – буржуй постперестроечного разлива. На чем делает деньги – непонятно. Живет себе в Сибири хозяином тайги: усадьба, дворня, псарня – все дела.

Сбышек – талант. Я каждый раз ухohатываюсь над его рассказами о миллионерских страданиях. Умен, красив. И в то же время с ним невозможно разговаривать, когда речь заходит о политике: что бы в мире ни происходило, у него во всем виновата «закулиса». Сбышек искренне верит, что Запад хочет развалить Россию и что в этом заключается смысл существования Америки.

Классика жанра: США загнивает, их ждет неминуемый крах, все американцы толстые и тупые (хотя это не мешает им «езде хозяйничать»).

Разубеждать его бесполезно.

– Ну приезжай в гости, посмотри, пообщайся с людьми! – кипячусь я.

Но Сбышек и не думает поддаваться.

– Ага. Чтобы меня стошнило прямо в аэропорту.

Так и дружим, считая друг друга фанатиками и жертвами пропаганды.

Сегодня забрела в его дневник: Сбышек сделал ремонт в ванной и вывесил фотографии – похвастаться. Написал, что съемку организовали журналисты из какого-то издания по интерьерам.

На белокаменном унитаде сидела голая модель: оба подчеркивали красоту друг друга. Та же участь постигла ванную и душевую. Я минут десять разглядывала девицу – исключительно хороша!

А вот у меня нет ни одной голой фотографии. Раньше стеснялась фотографироваться, а сейчас стесняюсь показываться.

Если бы двадцать лет назад у меня был Интернет и голова на плечах, я бы наснималась голой и выставила снимки в Сети. И сделала вид, что это месть бывшего мужа. На следующий день проснулась бы звездой. И никакой Нобелевской премии не надо.

Легкое дыхание

[3 октября 2005 г.]

Светкина красота не была идеальной – однажды я разглядела, что у нее нижние зубы чуть кривоваты и ногти на руках некрасивые. И все же, все же, все же...

Пышно-кудрявые волосы, узкая спина. Грудь третьего размера едва умещалась на тонком, будто щепочка, теле.

Ее хотели так, как хочется купюр и «от кутюр»: Светка была зримым символом красивой жизни. Помню, как она приперлась ко мне в гости. Белые носочки, белые шортики и ярко-синяя майка, подчеркивающая божественную грудь.

Хотелось и кололось. И постоянно тянуло помериться силами.

В первый раз мы схлестнулись, когда наш 10-й класс направили на картошку. В автобусе, не сговариваясь, мы подсели к херувимчику Запаскину, сжали его с двух сторон и напоребой замурлыкали.

У Светки было больше самоуверенности, у меня – воли к победе. Запаскин достался мне. Но потом выяснилось, что пока я целовалась с херувимчиком, Светку позвали к себе какие-то охотники из Внешторга (у них там неподалеку были дачи). Они освободили ее от полевых работ и каждый день катали на машине.

Собравшись тесным кружком, девчонки обсуждали Светкины похождения. Ахали, тарасили глаза, ужасались... И неизменно выносили вердикт: гулящая.

Мы взаимно презирали друг друга. Она меня – за исторический роман, который я писала с 15-ти лет. Я ее – за откровенное желание выезжать на мужиках.

– Во-первых, твой роман никогда не издадут, – говорила Светка, угощая меня импортной жвачкой. – И даже если издадут, ты за него не получишь и рубля мелочью.

– А ты... ты просто шлюха!

– Куртизанка, – поправляла она. – Ты ведь про меня и пишешь свой исторический роман.

Пока мы с девчонками готовились поступать в вуз, Светка жила настоящей жизнью. В нее влюбился молодой человек с высокопоставленной фамилией. У нее появились глянцево-красивые каталоги «ОТТО» и французское белье. Она прилетала из Сочи, мягко журила нас за «просранную молодость» и вновь уносилась на Парнас.

Но вскоре случилось страшное. Светкиного хахала посадили за растрату. Она кинулась к нему в тюрьму, а ее не пустили: «А ты кто? Жена? Нет? Ну и вали отсюда!» А у Светки же любовь, верность и все, что положено в кино...

Его освободили через несколько месяцев за помощь следствию.

– Сиди пока у матери, – сказал он Светке. – А мне нужно съездить кое-куда по делам. Потом я вернусь за тобой.

Но он не вернулся. Его нашли мертвым на трассе Москва-Ленинград: вроде как он ехал на мотоцикле и не справился с управлением.

– Да он в жизни бы не сел на мотоцикл! – рыдала Светка. – Они это специально подстроили, чтобы повесить на него все долги!

Очередного жениха она искала в кафе «Лабиринт». Садилась за столик, заказывала чаю и ждала. К ней подходили – она оценивала: этот, не этот, нет, нет, нет...

Однажды к ней подсели двое.

– Ну, кого из нас выберешь?

Светка указала на Андрея, молодого плечистого директора овощебазы. Через день она переехала к нему жить, а через несколько месяцев позвала к себе всех подружек – справлять день рождения. Там я впервые попробовала кокос и посмотрела мультик «Том и Джерри» по виду.

Еще через шесть месяцев Света родила дочку, и тут у них с Андреем начались разногласия. Воспитанный в крепкой деревенской семье, он был уверен, что жена должна смотреть за дитем, стирать пеленки и разводить кашку «Малыш». Света была уверена, что с «Малышом» может справиться и няня. Крики, звон битой посуды, вызов соседями милиции («Там, кажется, кого-то убивают!»).

Потом я очень надолго потеряла Светку из виду. Общие знакомые рассказывали, что у нее все хорошо с личной жизнью (начальник железнодорожной станции, начальник отдела снабжения завода...). А сегодня я наткнулась на Светкин дневник в Интернете: «Кажется, единственным существом, действительно любившим меня, была литераторша Александра Степановна. Она говорила, что у меня легкое дыхание».

Прошное, которого не было

[9 ноября 2005 г.]

Сочинила себе стишок на день рождения:

Я желаю себе одного:
На губах чтоб моих молоко
Никогда б не обсохло.
Чтобы Муза не дохла,
Чтоб писалось легко,
Продавалось бы ловко,
И у Кевина чтоб моего
Не пропала б мужская сноровка.

В этот день рождения я загадываю желания не только на будущее, но и на прошлое (все равно ни то ни другое не сбудется – так что разницы нет). Мне надо было:

1. Родиться блондинкой. Блондинкам хорошо – их мужики любят, и им ноги можно брить раз в неделю.

2. Пойти в артистки. Вкус к сценическому успеху я почувствовала еще в детстве, во время отдыха в крымском санатории.

На концерт самодеятельности я записалась читать стихи. Зал был битком набит. Конферансье вывел меня на ярко освещенную сцену.

– А сейчас эта милая девочка прочтет нам стишок Есенина.

Я мучительно передохнула.

– Начало забыла...

– Ну, давай – откуда помнишь.

Сделав над собой усилие, я простерла руку к зрителям:

Шум и гам в этом логове жутком
И всю ночь напролет до зари
Я читаю стихи проституткам...

Это был успех! До конца смены отдыхающие провожали меня взглядами и называли «та самая артистка».

3. Еще надо было побольше заниматься развратом. Недавно одна мадам прислала рукопись – я аж обзавидовалась главной героине: «Лиза и ахнуть не успела, как ощутила себя пронзенной чуть ли не насквозь. Граф крепко держал ее за бедра, направляя и в то же время не позволяя „сорваться с крючка“. Куда Лиза ни придет – везде за какой-нибудь „крючок“ зацепится. Вот это жизнь!»

4. Сесть на здоровую диету: чтоб никаких пирожных, никаких стейков. Салат, капуста, яблочко – это все, что мне нужно для полного счастья.

Поделилась мечтами с Мелиссой: блондинистость, сцена, секс, вегетарианское меню... Она только поржала:

– Тебе надо было родиться белым кроликом и жить в шляпе у фокусника.

Железная дорога (мемуары)

[1984 г.]

– Денег проводники зарабатывают во сколько! – сказал второгодник-рецидивист Еремин и сделал жест рыбака, описывающего добычу.

Мы, желторотые первокурсники, слушали его, онемев от уважения. Среди нашей тощеочкастой стаи Еремин смотрелся как танк среди велосипедов, и мы не могли не верить ему.

– А где, ты говоришь, в проводники записывают? – не утерпела я.

Еремин поворотил сытый взгляд, вынул из моей руки сигарету и затушил ее в пепельнице.

– А тебе, деточка, я не рекомендую работать по этой специальности.

Но нужный адресок дал.

Железная дорога охотно нанимала студентов на лето. Направление на поезд нужно было получить в узком, как амбразура, окошечке. Жирная рука на несколько минут забирала паспорт: если среди страниц обнаруживалась двадцатипятирублевка, проводника ставили на юга; если червонец – на «хлебный» Хабаровск, а за справку из студенческой поликлиники слали матом в неперспективный Северодвинск.

– Дурыща, – ласково пробасила моя напарница тетя Валя, веселая богиня пассажирских перевозок. – Слухай сюды, щас я тебе повышение квалификации сделаю.

Под стук колес и бульканье водки я познала все секреты проводнического ремесла. Тетя Валя была человеком добрым и словоохотливым и, если ей давали вовремя опохмелиться, не утаивала ничего.

– Лучше всего было в Грузию ездить, – вспоминала она, смахивая слезу воспоминаний. – Там как абрикосы поспеют, в кассах тут же кончаются билеты – ну, шток не ездил, кто не надо, и ценные места в вагонах не занимал. Прыпрут мне, бывало, сто ящиков с абрикосами, заставят все полки и денег насуют – шток я довольная была. А к ящикам у них завсегда грузын прылагался – и тоже, понимаешь, с деньгами для чистосердечной благодарности. Начальник поезда идет – ему даст; ревизор идет – ему; мыльционер заглянет – и ему спасибо скажут. Такой уж грузыны хороший народ.

Потом у тети Вали не сложились отношения с окошком-амбразурой, и ее лишили абрикосовых привилегий. Но и по пути в Северодвинск мы с ней ухитрялись заколачивать нехилые бабки. Главным источником дохода были «зайцы». С билетами была напряженка не только в Грузии.

Если в поезд заходили ревизоры, один из проводников оставался заговаривать им зубы, а второй бежал в соседний вагон предупреждать коллег. Сигнал тревоги распространялся, как огонь по сухостою. «Зайцев» в спешном порядке прятали: кого в туалетах запирали, кого выпинывали в вагон-ресторан, кому за небольшую денежку продавали использованные билеты с прошлого рейса.

Впрочем, если «зайца» ловили, особой беды не было. Ревизорская совесть мгновенно усыплялась либо водкой, либо взяткой.

Еще одним источником дохода были бутылки: иногда с вагона собиралось по 10 мешков. На конечной станции к перрону подъезжали темные личности и, загрузив стеклотару в машину, отсчитывали нам мятые, пахнущие пивом рубли. В приемных пунктах бутылка шла по 20 копеек, а темные личности платили нам по 15. И все были довольны.

Обороты нелегальной коммерции при железной дороге поражали воображение. Сахар, который проводники выдавали пассажирам, был фирменным, железнодорожным. Но при этом – сворованным непосредственно с завода и перепроданным нам за полцены. Обертка на месте, качество то, что надо, – ни один ревизор не придерется. То же самое было с чаем.

Если нам выпадал рейс на Дальний Восток, мы заставляли все служебное купе яйцами. Половина тухла по дороге, но их все равно брали нарасхват.

Но главная тайна проводницкой профессии была пострашнее тухлых яиц. Дело в том, что постельное белье нам выдавали по количеству койко-мест. А ведь кто-то сходил раньше, кто-то подсаживался позже...

Откровение мне было во время первого рейса на Север.

– Теть Валя, пассажиры спать хотят – белье требуют, – сообщила я, влетая в служебное купе.

– Щас, щас...

Вытерев сладкие губы, тетя Валя нагнулась над мешком с использованным бельем и вытащила комок грязных простыней.

– Делай как я.

Она разложила простыни на сиденье и стала разглаживать их мокрой тряпкой.

Я с ужасом смотрела, как тетя Валя складывает влажное белье, придавая ему приблизительно товарный вид.

– Теперь прыглуши свет в вагоне, чтоб никто нычего не заметыл, – сказала тетя Валя и, подняв стопку «чистых» простыней и полотенец, вышла в коридор.

Я была уверена, что ее сейчас побьют.

– Но ведь они же заметят, что белье сырое!

– А мы скажем, что у нас сушилка в прачечной сломалась.

В рейсах на Украину и на Север некоторые комплекты белья использовались по три раза. В рейсах на Дальний Восток, бывало, и по четыре. И никто НИ РАЗУ не возмутился.

Раздав белье и окончательно погасив свет в вагоне, тетя Валя доставала очередную чекушку и выпивала за крепкие нервы советского народа.

Меня зовут женщина

[11 ноября 2005 г.]

Мелисса всегда упрекает меня в том, что мои вещи не подходят друг к другу: туфли – к сумке, заколка – к носкам, лак – к клавиатуре...

– Ты не настоящая женщина, – говорит она мне. – В тебе нет страсти к гармонии.

А вот и есть! Сегодня отыскала в шкафу чудную юбочку: тон в тон к моему синяку на ноге.

Весь день чувствовала себя Женщиной с большой буквы «Ж».

Горе от ума (мемуары)

[1983 г.]

Доцент Пьющенко имел масляну головушку, шелкову бородушку и антисоветский крестик на груди. Поговаривали, что дома у него есть абордажная сабля и настоящий индейский тотем. А еще он знал наизусть всего Маяковского.

В университетском гардеробе пальто Пьющенко было объектом паломничества – студентки подкладывали в его карманы признания в любви и заговоренные локоны. Я никогда не подкладывала – только стояла на стреме, пока Женя Кокина вдыхала ароматы пьющенского воротника.

Она опускала в карман дефицитных «Мишек на Севере» – как монетки в турникет метро: «Пусти!» Но Пьющенко не пускал. Загадочный и неприступный, он проходил мимо, клал портфель на кафедру и приступал к лекциям по истории КПСС.

...У нас отменили последнюю пару, и я решила зайти за Кокиной на истфак. В коридорах было тихо – только вода где-то билась о раковину. Я приоткрыла дверь в аудиторию.

Пьющенко со своей бородкой был похож на мятежного кардинала.

– Единицы из вас выберут свободу: большинство предпочтет стабильность. Быть свободным страшно – если оступишься, тебе некого винить, кроме себя. А если ты плывешь по течению, то виноватыми всегда окажутся другие – не туда привели, не на то указали. По большому счету стабильность – это сверхценность детского мира. Дети любят повторяющиеся ритуалы: перечитывать одни и те же книжки, смотреть одни и те же диафильмы. Взрослому же человеку (по-настоящему взрослому) свойственно искать самореализации – то есть перемен. И потому он не может без свободы. Иначе какая это будет САМОреализация, если кто-то принимает за него решения?

Я стояла, не смея шелохнуться. Воспари Пьющенко к портретам Маркса и Энгельса, я бы и то так не удивилась.

– Стабильность – это не когда у тебя все хорошо, а когда в твоей жизни ничего не меняется. Ни в лучшую, ни в худшую сторону. Стабильность – это стоячая лужа, и вода в ней обязательно протухнет. Лично я всегда буду отстаивать свободу. Буду бороться за то, чтобы у меня было право самовыражаться, самореализовываться и расти над своей стабильностью.

...С того дня я заболела. Пальто с котиковым воротником наполнилось для меня особым смыслом. Ночами я разрабатывала планы «самореализации». Днем обсуждала с Кокиной пьющенские достоинства. Она не знала про мою тайную страсть и благодушно выдавала все явки и пароли: что он сказал, где бывал и кому поставил «неуд» на семинаре.

Как я жалела, что он ничего у нас не преподавал! Я могла бы написать ему поэтичный курсовик! Я могла бы выйти к доске в перешитой из шарфа мини-юбке. А еще – ходить на все дополнительные занятия и отработки и бесконечно пересдавать экзамены.

Случай представился на новогоднем капустнике, где Пьющенко должен был играть лешего, а я – Бабу-ягу.

– Гримироваться идите в туалет, – велел нам художественный руководитель. – А то в примерке зеркало разбилось.

– В мужском лампочки нет, – отозвался Пьющенко.

– Так идите в женский.

От стеснения я даже забыла, что я его люблю. Пьющенко корежил мои мечты своим присутствием. Он стоял перед зеркалом и неумело красился – приоткрыв рот и вытаращив глаза.

– Слушай, помоги, а?

Обмирая, я коснулась его щеки. А потом вдруг прошептала:

– А вы – мне.

Пьющенко удивился:

– Так у меня плохо получится.

– Ничего. Я сегодня – Баба-яга.

Мы молча разрисовывали друг друга. И вдруг он взял и поцеловал меня. Какие-то девки сунулись в туалет и тут же вылетели. Не сговариваясь, мы посмотрели в зеркало: две черные рожи со смазанными ртами и вздыбленными космами.

Вечерами мы бродили по заснеженному городу, где каждый фонарь был волшебным. Пьющенко рассказывал о Фоме Аквинском, физике ядра и русской национальной идее... Я начала писать стихи и отсылать их в журнал «Юность».

Чем больше я его слушала, тем сильнее мне хотелось замуж. Я представляла себе, как позеленеет Кокина, узнав о нашей свадьбе... Последние страницы моих конспектов покрылись живописными каракулями – я тренировалась расписываться «Пьющенко».

Я ничего не понимала: теперь его устраивала стабильность. Ему было достаточно того, что мне 18 лет и я умею слушать, затаив дыхание. Пришлось снова браться за самореализацию.

Целую неделю я наговаривала на родную мать: мол, сторожит, блюдет и если что – убьет. Пьющенко деликатно сочувствовал.

– Мама все про нас знает! – заявила я. – Она нашла мой календарик с месячными.

Поначалу Пьющенко ничего не понял.

– Что?

– Ну, календарик... Там отмечено, когда нам можно, а когда нельзя.

– Знаешь, – наконец вымолвил он, – пожалуй, я завтра не смогу к вам прийти. Нам нельзя травмировать маму.

Он все чаще ссылаясь на дела. В моих стихах вместо восклицательных стали появляться вопросительные знаки.

– Как говорил Шопенгауэр, кто не любит одиночества, тот не любит свободы, – говорил он.

– Как писал Гребенников, трус не играет в хоккей, – злилась я.

За меня отомстили влюбленные студентки: кто-то доложил наверх о пьющенских вольностях и его вычистили из партии. А когда он начал бегать по инстанциям, ему стало совсем некогда.

Собрание сочинений

[13 ноября 2005 г.]

На очередном сеансе психоанализа Арни спросил, что сыграло в моей жизни самую важную роль. Попытался угадать:

– Эмиграция? Любовь? Дружба?

– Книги.

Мама посадила меня на них с пяти лет. После института она заходила в детскую библиотеку и набирала чтива на неделю. А я ждала ее, как беженец гуманитарной помощи.

Тяжелая сетка, набитая индейцами, астронавтами и разведчиками, – я вываливала их на кровать, дрожа от предвкушения. Это было такое счастье – иметь, что читать!

Как религиозный фанатик вычисляет единоверцев, так я вычисляю книголюбцев. Не любых – бывают люди, которые накачивают себя невероятной дрянью. Мои единоверцы – это те, кому скучно жить в одном и том же мире. Кевин – как раз такой.

Встречаясь, мы говорим о книгах, о всевозможных «вкусностях», найденных тут и там. Наше любимое развлечение – переворачивать себе сознание.

Сегодня мы поехали на океан – бродить по песку и смотреть на корабли. Сев в машину, Кевин включил очередную аудиокнигу.

– Реинкарнация все-таки не миф, – сказал он. – И телепортация тоже. Нужно только уметь читать книги. Или, на худой конец, слушать.

Мы мчались по 405-му фрэйвэю, меняли линии, томились в трафике, но наши глаза ничего не видели.

Избы, огороды с репой... Мужики в поле, бабы – по домам. И вдруг крик: «Половцы!»

Похватав детей, бежим в городище, за стены. Сердца бьются, в глазах туман. Отобьемся ли? Нет ли?

Их туча. В лисьих шапках, на низкорослых коньках. Несутся лавиной – с визгом и воем.

Ударились о стены, откатились. Стрелы, копья, кто-то валится рядом – убитый.

Отобьемся ли? Нет ли? Если прорвутся в городище, всех порешат: клинком по горлу и дальше посядут – грабить.

И нет ни правых, ни виноватых. Если отобьемся, так мы сами на них пойдем. Они знатную добычу с прошлого похода привезли, и у женщин их – золотые монеты...

Дима Первый (мемуары)

[1984 г.]

Мужья в моей жизни подобны запоям у пьяницы – они всегда появляются неожиданно, но на регулярной основе.

Первый, Димочка Кегельбан, возник на горизонте, когда я ела сосиску в студенческой столовке.

– Холодная? – спросил он, окинув меня взглядом.

– Страстная! – отозвалась я.

Компот мы уже допивали вместе. Димочка вылавливал из стакана курагу и рассказывал приличные анекдоты. Я волновалась. Мальчик был высоким и почти красивым. Особенно мне нравились губы – такими только малину кушать и девушек развращать.

Димочка подвернулся мне очень кстати. Доцент Пьющенко уже не грел сердца – из-за партийных неурядиц он сделался криклив и зануден, как вокзальная уборщица. Кегельбан же, напротив, обладал жизнерадостным характером и страстью к дешевому выпендрежу. Мы с ним были два сапога пара.

Его мама – дама с внешностью семитской царицы – не знала, то ли радоваться моему появлению, то ли огорчаться. Из-за меня Димочка полюбил ходить в университет (чего раньше за ним не наблюдалось), из-за меня же начал пропускать семейные торжества и невнимательно слушать взрослых. Любовь нас залила и закрутила, как пару носков в стиральной машине.

Отношения у нас были бурными. Мы ссорились так, что мама каждый раз надеялась, что ВСЕ. Но царапины на Димкиной роже заживали, штаны зашивались, и все начиналось по новой.

Мама смирилась со мной, как с неизбежной зимней инфекцией. Она даже помогла мне устроиться на первую работу – в редакцию «Вечернего вагонника». Глядя на меня, Димочка тоже начал трудиться – сторожем: ему претило кому-либо подчиняться, а сразу в начальники его не брали.

Служба «ночным директором» вполне устраивала Кегельбана: в те времена сторожа с высшим образованием были в почете.

– Вольнодумец и диссидент! – говорили о нем знакомые.

– Лентяй и балбес! – кипятилась мама.

Мое сердце тоже томилось. Кегельбану было абсолютно наплевать на профсоюзные путевки и продуктовые наборы с майонезом. А биться за квартиру он и вовсе не собирался. По вечерам Димочка замирал в позе Будды перед телевизором и ждал счастья.

И счастье на него свалилось. По таинственным еврейским каналам Димочкина мама раздобыла приглашение в Америку, и Кегельбаны принялись лихорадочно паковать.

– А я без моей девушки не поеду, – заявил Димочка маман.

Мама схватила за голову.

– Неужели тебе мало меня и папы?

Димочка прикинул, на что может сгодиться папа.

– Мало!

Я была польщена. Не то чтобы мне хотелось эмигрировать – про Америку я знала только то, что она все время гнивает. Просто я впервые столкнулась с любовью, перед которой была бессильна даже мама-локомотив.

– Хочешь замуж за ленивого, вредного, скандального еврея с чувством юмора и видами на выезд? – спросил Димочка.

– А как же мои? – выдохнула я. – Папа всю жизнь ненавидел Америку.

– Пусть теперь Гондурас ненавидит.

Родители восприняли новость о моем браке и отъезде как конец света.

– Видеть тебя больше не желаю! – вопил папа и бил кулаком по столу.

Но я уже закусила удила. Мне мерещился Нью-Йорк – город контрастов, Желтый Дьявол, Белый Клык и хижина дяди Тома.

– Что ты там будешь делать в этой Америке? – причитала мама. – Там ведь небось одни безработные на улицах.

– Буду любить Кегельбана, – гордо отвечала я. – Любовь все побеждает, если ты не в курсе.

Как оказалось, любовь побеждала все, кроме счетов за квартиру.

Еврейские знакомые снабдили Димочку работой в фирме, занимающейся спецоптикой: он должен был выгравировывать на объективах слова «Made in USA». Димочка тосковал, покупал на всю зарплату пластинки и проклинал капитализм. Я работала на трех работах и проклинала его.

– Кегельбан, либо ты встаешь на ноги и начинаешь процветать, либо ты валишь из моей квартиры!

Димочка обижался и уходил в ночь. Я тряслась от любви и ненависти.

Однажды он привел с собой нежное черноокое создание с родинкой на щеке. Нет, не девочку. Мальчика.

Мы сразу друг другу не понравились. Мальчик тяжело ревновал и доказывал мне, что я не понимаю Димочкиной глубины. Я огрызнулась.

Через полгода Кегельбан был спущен с лестницы вместе с другом и сворованными с работы объективами.

Сменив множество друзей и домов, он прибил к содержанию арт-галереи и остался скрашивать его досуг. Сейчас владеет половиной предприятия и делает вид, что чутко разбирается в искусстве.

Помню, как я встретила его на книжной ярмарке в Лос-Анджелесе. Смотрела и не могла понять, почему он чужой. Не как раньше – с надрывом и болью, а просто так: чужой, неинтересный, ненужный.

Димочка ни о чем не расспрашивал. Пытался хвастаться: у моего друга крутой бассейн, и мне там разрешают купаться, у него целая вилла, и я там иногда живу... Он совершенно искренне гордился тем, что подбирал объедки с чужого стола.

Я потом долго думала о нем. Некрасивый.

И футболка дурацкая, и сережка в ухе... А ведь когда-то я это так любила! Все то же самое!

Не постигаю.

Мертвые души

[15 ноября 2005 г.]

Есть такая профессия: изо дня в день, из года в год делать людей несчастными. Это не надзиратели тюрем и не преступники, это скромные клерки, работающие в американском посольстве в Москве. У них есть инструкция: расценивать каждого человека как потенциального иммигранта, и потому они отказывают в визах почти всем.

За пуленепробиваемым стеклом, как в аквариуме, сидит рыба и решает, поедет отец к дочери или нет; нужно человеку навестить подругу или не нужно; стоит бизнесмену завести связи в Америке или нет.

Ни уговоры, ни документы, ни объяснения – ничего не помогает. Клерк смотрит на просителя рыбьим взглядом и ставит в паспорт штамп об отказе.

Многие посетительницы плачут: они пришли сюда потому, что им важна эта поездка – там, в Штатах, любимые люди, дети, внуки... В конце концов, там новый мир, на который хочется посмотреть.

Но рыбе все равно: у нее есть указание. А это гораздо важнее чужих надежд.

Мама звонила: ей визу дали, а отцу нет. Чтоб они, не приведи господи, не остались вместе в Америке.

Теперь мама целую неделю будет ненавидеть США – пока не приедет и не пройдет по нашей улице. Она уже давно перезнакомилась с моими соседями. Розмари скажет ей: «Вы чудесно выглядите!» Дэн похвастается сыновьями: «Правда же, они выросли?» Саймон заведет разговор о Петербурге – он только что оттуда вернулся.

Что у этой Америки общего с той, ненавидимой?

Впрочем, люди-рыбы водятся везде. Леля, когда в прошлый раз ездила в Россию, тоже получила свое. На таможне ей заявили, что ее виза оформлена неправильно. Продержали четыре часа в аэропорту, ограбили на 300 долларов (наличкой, себе в карман, разумеется)...

Барбара говорит, что и у них в Мексике та же мерзость. Таможни, суды, полицейские участки... Сидит за стеклом рыба – у нее есть право решать твою судьбу. А у тебя – нет.

Каково это – каждый день выслушивать надрывное «Ну, пожалуйста!». Ничего? Нормально потом по ночам спится?

Очень хорошо, что мама приедет.

Как закалялась сталь (мемуары)

[1987 г.]

Моя должность в «Вечернем вагоннике» называлась величественно и красиво: техник третьей категории.

Стертый до дыр линолеум, календари «Госстраха» на стенах – здесь каждый день шла нечеловеческая работа мысли.

...«В достигнутом успехе воплощен большой энтузиазм наших добросовестных колхозников».

...«Советскому человеку глубоко чуждо нравственно убогое кривляние Мэрилин Монро».

Жизнь в «Вечернем вагоннике» была ключом. Зимой редакция проводила журналистское расследование на тему «Кто спер электрокамин?», находила его у бухгалтера и со скандалом возвращала на место. Летом то же самое касалось вентилятора.

Технику третьей категории полагалось сидеть в одной комнате с корректорами – Мариной Петровной и Зямой Семеновичем.

Зяма был мал ростом и молод душой. На работу он не ездил, а бегал трусцой; под столом держал гирю и раз в месяц красил голову басмой.

– Вы теперь вылитый палестинец! – потешалась над ним Марина Петровна.

Зяма искренне огорчился: он реставрировал кудри специально для нее.

Но Марине было мало кудрей. Она ценила в мужчинах широту души, а вот с этим у Зямы Семеновича была напряженка. Он физически не мог покупать женщине мороженое (ведь она его съест и ничего не останется!), чего уж говорить о розах и духах. Зато когда в городе зацветала ничейная сирень, главный корректор был сама щедрость. Не скупился он и на домашние вкусности – когда они оставались после семейных банкетов.

Каждое подношение Зяма обставлял с необычайной торжественностью.

– Сегодня у вас, девочки, праздник, – значительно говорил он. – Я позавчера всю ночь фаршировал для вас яйца.

– А чего вы вчера ваши яйца не принесли? Дома забыли?

Зяма конфузился и спешно менял тему на нейтральное: продажность Солженицына и происки сионизма.

Работа в газете дала мне многое: я научилась печатать со скоростью пулемета, составлять кроссворды и мыть жирные тарелки в ледяной воде. Там же, в «Вечернем вагоннике», появился мой первый журналистский опус. Статья рассказывала о закромах Родины и называлась «Опаленные ленинизмом».

Главный редактор Валерий Валерьевич похвалил меня на планерке:

– Какая у нас замечательная молодая поросль! Есть на кого оставить страну!

Я бы предпочла, чтобы на меня оставили литературу, но ее уже забрал себе Валерий Валерьевич. Он состоял в Союзе писателей и регулярно радовал нас поэмами о коммунизме.

Вскоре я обнаружила, что для карьерного роста мне необходима самая малость – обильное цитирование Валерия Валерьевича. Мои статьи все чаще заменяли «Юмор» на последней полосе, а иногда залезали даже на «Спорт». Юмористы тихо меня ненавидели, но поделаться ничем не могли: главред считал, что «великие земляки» важнее анекдотов.

Валерий Валерьевич решил, что наконец-то нашел искреннего почитателя своего таланта. Он начал оставлять меня после работы, звал к себе в кабинет и декламировал «из новенького».

Автором он был плодовитым. Вдохновение снисходило на него после программы «Время». Насмотрится про план пятилетки и тут же настрочит:

Автозавод нам вручает страна
Как эстафету!
Только смелость нужна,
Дерзость нужна,
Мир на всей планете!

Через несколько месяцев я не выдержала и уволилась. Но Валерий Валерьевич тут же раздобыл мой телефон.

– Приходи ко мне домой! – шептал он в трубку. – У меня жена на дачу укатила, так что нам никто не помешает.

Когда мы сели в самолет, направляющийся в Нью-Йорк, Кегельбан сказал:

– Ты – декабристка. Ты поехала за мной в ссылку на край света.

Я не стала уточнять, что в первую очередь я беженка, отчаянно ищущая политического убежища.

Американская трагедия (мемуары)

[1987 г.]

До последнего момента я не верила, что долечу до Америки: все думала, что нам либо пилот попадется пьяный, либо ракетчик меткий. У Димочки тоже были плохие предчувствия. Мама сунула ему в рюкзак банку икры, и он боялся, что его арестуют за контрабанду.

...Кегельбанские родственники встретили нас по высшему разряду: мы с кем-то обалдело целовались и рассказывали «как там». Сердце колотилось, колени тряслись.

Я все никак не могла отойти от прохождения таможи. Посольство в Москве нагнало на нас такого страху, что мы ждали обыска до трусов. Но таможеннице не было до нас никакого дела: она лениво глянула в паспорт, сказала «Welcome!»² – и выкинула декларацию, не читая.

– Надо было больше икры брать! – стонал Димочка.

Заботу о нашем размещении взяла на себя Капа – бойкая старушенция в розовых брючках и кукольной шляпе с цветком.

– Я ваша двоюродная бабушка! – объявила она. – И теперь мы заживем одной семьей.

Нас загрузили в огромную машину невиданной марки. Я смотрела в окошко: Господи-ж-ты-боже-мой!

Население лишь отчасти белое. Азиаты, индусы, черные, мексиканцы, вообще не пойми кто – как на советских плакатах «Если дети всей Земли...».

Толстяки: в Союзе люди толстели салом; здесь – пышным жиром.

В небе самолеты, вертолеты, дирижабли – стаями...

Инвалиды... Откуда их здесь столько?

Дороги!!!

...Баба Капа выписала нас в Америку из-за подруги Аделаиды. Та заявила ей, что одинокими в старости бывают только дураки и грешники.

– К тебе на похороны разве что могильщик придет, – сказала она.

Капа расстроилась. Несколько недель она думала, кому из родственников доверить свое оплакивание. Конкурс выиграла Кегельбаны. Капа решила вывести их из советского рабства и тем самым обеспечить себе и место в раю, и толпу на похоронах.

Большая машина привезла нас в какой-то поселок, застроенный бесконечными рядами однотипных домов.

– Я тут обычно летом живу, – сказала баба Капа, открывая застекленную дверь. – А на зиму переезжаю в Лос-Анджелес – там теплее.

Под жилье нам выделили второй этаж, где мы тут же заблудились. Искали выход, дергали двери, а там – кладовки. Полчаса гадали, как включается вода в ванной. Спросить стеснялись – баба Капа окончательно подавила нас своей шляпой, машиной и наличием телевизора в каждой комнате.

Воскресенье. Мне не спалось – смена часового пояса, неправильная неквадратная подушка. По телику на всех каналах – религиозные проповеди. Все по-английски. Все не по-нашему.

Инстинктивно я относилась к Штатам как к чужой стране. Тут чудеса, тут звери бродят... Теперь это была моя родина.

² Добро пожаловать! (англ.).

Дома у бабы Капы еще можно было сидеть, но стоило высунуться наружу, и все – беда. Здесь водители пропускали пешеходов, здесь люди улыбались чужим и спрашивали, как дела. И на меня нападала немота и тихий ужас.

Цены не поддавались описанию. Если считать по реальному курсу доллара, то все стоило в десятки раз дороже. Но никто на это не обращал внимания: как будто молоко за 6 рублей – это нормально.

Продукты в магазинах были красивые, как на натюрмортах. Морковь – очищенная! Мясо – расфасованное! Хлеб – и тот порезан.

В овощном отделе я чувствовала себя первооткрывателем. Репа с рогами, какие-то стручки, корочки, венчики...

Все измерялось в фунтах и дюймах. Разобраться в этом было невозможно.

Каждые выходные баба Капа возила нас по окрестностям. Мы громко восторгались, чтобы доставить ей удовольствие. Нью-Йорк нам действительно нравился: в этом городе чувствовался особый пульс – как на космодроме.

Русский район Брайтон-Бич казался здесь сиротой в гостях. В магазинах – те же советские тети, в газетах – та же чушь, перевернутая с ног на голову. Мы с Кегельбаном все смеялись над местными витринами: «Айскрим: Ванила and Карамел флавор»³. Кой черт писать по-русски английские слова?

Опять воскресенье. Мне осточертело сидеть дома, и я решилась на вылазку. Солнце, яркость, цветы... У соседа из клумбы росли две березки – тоненькие, жалкие какие-то... Как там мой «Вагонник» поживает? Как мама? Как сестра?

Улицы были пустынные – лишь изредка машина проносилась и исчезала за поворотом. Я бродила целый час, но так никуда и не дошла: кругом только домики, домики, домики... Не хватило терпения – повернула назад.

Двери везде стеклянные, замки условные – приходи кто хочешь, бери что хочешь.

Баба Капа нас не любила. Мы ржали по вечерам, а у нее – мигрень. Она звала батюшку освящать дом, а мы ему руку не целовали. Поп пел, мы приплясывали: у нас где музыка – там дискотека.

Мою свекровь Капа доводила тем, что выкидывала продукты. Груши полежат три дня – выбрасывает. А зачем брала? Мы в Союзе из-за них по пять часов в очереди стояли.

Димочка просил у нее машину – не давала. Ругалась, что мы у нее на шее сидим, а сама на работу не пускала: за иждивенцев ей полагались налоговые льготы.

Однажды Аделаида сказала Капе:

– Они отправят тебя в дом престарелых. Все деньги заберут, а тебе ни цента не оставят.

Баба Капа начала кричать. Соседи шарахались от нас: она им говорила, что мы у нее по шкафам лазаем и ищем золото.

Через месяц мы с Димочкой переехали в Брайтон-Бич.

³ Имелось в виду «Мороженое: ванильный и карамельный вкус».

Капитал (мемуары)

[1900–1998 гг.]

Баба Капа родилась в 1900 году. Жила как все: стояла за керосином, ходила на танцы. Чтобы скопить на приданое, вышивала бирки «Собственность Николаевской Железной Дороги».

Но тут грянула революция, и Капина судьба враз переменялась.

Полковник Егорский, известный на весь фронт храбрец и кокаинист, разглядел Капу в синематографе. Целый год они вместе спасали Россию, но потом Егорский плюнул на это дело и застрелился.

Капе срочно пришлось влюбиться в армянина Гогу. Гога, конечно, не мог сравниться с его высокоблагородием: он сморкался при дамах и передавал им вшей. Но зато он служил по интендантской части, и в его вещмешке всегда была картошка.

Когда колчаковцы докатились до Тихого океана, Капа поняла, что на Гоге далеко не уедешь. И тут ей подвернулся Доналд, сержант союзнической американской армии. Красивый, беленький – как цветок подснежник. Вскоре Капа уже жила в Лонг-Биче, штат Калифорния. За время войны она так пропиталась боевым духом, что по инерции начала воевать со свекровью. Первой и единственной жертвой этих баталий стал Доналд: после очередной ссоры он выбежал из дома и попал под авто.

– Я до сих пор виню себя! – грустила Капа шестьдесят лет спустя. – Ведь он меня от гибели спас!

За рулем сидел видный голливудский актер, и, чтобы избежать скандала, вдове оплатили не только гроб, но и моральные страдания.

На похоронах Капа встретилась с адвокатом ответчика.

– Староват он был для меня... Да молодые тогда все без денег ходили. А я нищенствовать не собиралась.

По счастливой для Капы случайности, Великая депрессия совпала с сухим законом: народ хотел с горя пить, а пить было нечего... Выпросив у нового бойфренда денег, Капа открыла кафе, в задних комнатах которого наливали виски.

Сел за это адвокат. Срок ему впаляли приличный, ждать не имело смысла.

Следующий Капин муж, летчик-истребитель, погиб в Нормандии. От него ей досталась военная пенсия и компания по уборке мусора.

Воюя за подряд в муниципалитете, Капа познакомилась с владельцем конкурирующей фирмы – чернобровым красавцем Гектором, на двадцать лет ее моложе. Они соединили усилия и сердца и стали королями мусорного бизнеса на побережье.

– Но этот был кобель! – хмурила брови Капа. – Я как-то зашла в офис, а он с секретаршей обнимается.

– И что? – спросила я.

– Ну что, набила морды обоим... После этого Гектора уже никто красавцем не называл.

На восьмом десятке Капа решила сменить веру с иудаизма на что-то более христианское. Она числилась прихожанкой у православных, у баптистов, у католиков и даже в Арабской объединенной церкви. Ее везде принимали с распростертыми объятьями, ибо на счету у Капы скопилось три миллиона.

Но старушка не оправдывала людских ожиданий.

– Все, что я имею, мне дал Господь! – говорила она. – А подарки назад не возвращают.

Детей у Капы не было. Ее завешание переделывалось, наверное, раз сто. По настроению в список наследников вписывались: Республиканская и Демократическая партии, зоопарк, Аделаида, Аделаидины дети, дети Капиных мужей, Кегельбаны, хор мальчиков, школа фигурного катания и даже я.

Капа умерла от воспаления легких в госпитале Святого Бенедикта. Прочитав старушкино завешание, я позвонила Кегельбану.

– Ты чего на Капины похороны не явился?

– Что я идиот, что ли?

– Видать, да. Она завещала все тем, кто пришел.

Нас было двадцать человек. Я, могильщики, священник и куча докторов с супругами.

Двадцать лет спустя

[19 ноября 2005 г.]

Мама приехала! Каждый год, встречая ее в аэропорту, я волнуюсь. Она стареет, и это видно, но какой-то особой, праздничной старостью. Деловой костюм, наимоднейшая стрижка, куча чемоданов. Завидев друг друга, мы кидаемся обниматься и плачем.

Как долетела? Как Леля? Что у тебя с работой? Мы сыплем вопросами, на которые нельзя ответить здесь и сейчас.

Мы с мамой похожи, как шило и мыло – почти ничего общего. Но как же нам уютно друг с другом: болтать, молчать, смотреть телик и шить куклам одежды. У нас всегда так: как только мама приезжает – мы беремся за поделки.

Мама до сих пор велит мне следить за осанкой. Она давно уже не в состоянии решить ни одну из моих проблем, но она все равно над ними думает и потом предлагает: «А что, если тебе...»

Любит меня, и эта любовь из тех, что не сломится ничем. Попаду ли я в тюрьму, совершу государственный переворот или выйду замуж за шахида. Это видно, когда тебя любят. Это светится в глазах.

– Так, сейчас ко мне, а Леля с Джошом подъедут к семи, – объявляю я.

Машины текут двойной огненной рекой – мы несемся в красном потоке, навстречу нам – поток белый. Мама смотрит на башни небоскребов вдаль.

– Могла ли я когда-нибудь подумать...

По закону природы она должна была стать классической старушкой в пальто и платке. Так было со всеми женщинами в нашем роду: сначала яркая молодость, потом дети, работа... А после пятидесяти пяти – обвал. Но в какой-то момент прежние законы перестали работать. В 59 мама катается по миру, она успешна и богата, и у нее масса планов на ближайшие сорок лет. Впрочем, мы все сошли с привычных рельсов. Раньше судьбы детей отличались от судеб родителей только датами. Сейчас мы понятия не имеем, что с нами будет через пару лет. Незаметно мир перевернулся вверх тормашками.

Пробка. Машины ползут еле-еле.

– Другая эпоха, – говорит мама, глядя в окно. – Ты заметила, когда она началась?

Я пожимаю плечами:

– Наверное, когда рухнул железный занавес.

– Или когда из телевизора исчезли ведущие? Помнишь, они сидели перед камерой с листком бумаги и зачитывали программу передач?

Мама достает из сумки блокнот и очки и включает свет.

– Я сейчас все это запишу!

На листке появляется крупный заголовок: «За последние двадцать лет выяснилось, что...»

Мы не виделись целый год и вроде бы должны говорить о важном. Но вместо этого мы вспоминаем всякую ерунду, спорим и хохочем. Нам просто хорошо вместе.

Мама старательно пополняет свой список:

Выпендриваться целлофановым пакетом с картинкой глупо.

Фотографировать, снимать фильмы, петь и писать книги может любой дурак.

Гражданский брак – это не смертельно.

Когда жена зарабатывает больше мужа – это нормально.

Секс до брака – тоже нормально.

Импорт бывает некачественным.

Если лямка от лифчика выглядывает из-под футболки, то это сексуально.

Кассетный магнитофон, даже если он видео, – не стоил наших слез.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.